

УВЛЕКАТЕЛЬНОЕ ЧТИВО

МАРИНА АЛЕКСАНДРОВА
КОРНИ ЗЕМЛИ

ПОДАРОК КРЕСТНОГО

РАССЛЕДОВАНИЕ СКВОЗЬ СТОЛЕТИЯ

Корни земли

Марина Александрова

Подарок крестного

«Научная книга»

Александрова М. Г.

Подарок крестного / М. Г. Александрова — «Научная книга»,
— (Корни земли)

Зловещий артефакт – кольцо странника – продолжает свое путешествие по миру, принося своим обладателям настоящую магическую власть. Вот только со временем они сами становятся рабами этого кольца, как это начало происходить с боярином из свиты Ивана Грозного.

Содержание

ПРОЛОГ	5
ГЛАВА 1	7
ГЛАВА 2	12
ГЛАВА 3	16
ГЛАВА 4	20
ГЛАВА 5	24
ГЛАВА 6	28
ГЛАВА 7	33
ГЛАВА 8	37
Конец ознакомительного фрагмента.	41

Марина АЛЕКСАНДРОВА

ПОДАРОК КРЕСТНОГО

ПРОЛОГ

В давние времена в городе Константинополе жил человек. Слыл он великим мастером ювелирных дел. Не было ему равных в этом не только в Константинополе, но и по всей Византии. Делал мастер перстни, браслеты и ожерелья и тем зарабатывал немалые деньги.

Всего было в достатке у ювелира, не было у него только семьи. Жил он одинокой холостяцкой жизнью, а годы шли, и был он уже не молод.

Но вот однажды встретил мастер девушку, прекрасную, как сама любовь. Воспылал к ней страстью ювелир, и девушка, как это ни удивительно, ответила ему взаимностью. Ювелир женился на ней, препятствий к этому никаких не возникло, и стал жить семейной жизнью.

Только после свадьбы понял мастер, что многое не разглядел в характере своей красавицы-жены. Оказалось, что под ангельским личиком скрывается дьявольский нрав. Но мастер все равно продолжал любить свою жену, а потому прощал ей все злобные выходки, принимая ее такой, какая она есть.

Время шло. Ювелир делал свои украшения, предоставив молодой жене полную свободу действий. Та занималась исключительно собой, не прилагая ни малейших усилий к тому, чтобы сделать счастливым мужа.

Однажды жена все же подарила мастеру радостную весть, сказав, что она беременна. В положенный срок на белый свет родилась девочка. Семейная жизнь начала потихоньку входить в спокойное русло. Конечно, примером добродетели жена мастера не стала, но и откровенно злобных выходок себе уже не позволяла.

На самом деле причиной этому было не рождение дочери и не изменения, произошедшие в характере жены. Ювелир и не догадывался, что его жена, уезжая на несколько дней, вовсе не гостит у родителей, как она обычно говорила, а принимает участие в служениях, противных Богу, т. е. в черных мессах.

Годы все шли и шли, мастер по-прежнему ни о чем не догадывался. Его только удивляло, что жена никогда не берет с собой дочь. Однако та всегда отговаривалась тем, что отец не может простить ее за то, что она подарила ему внучку, а не внука, и девочку видеть не хочет. Ювелир изумлялся стойкой неприязни свекра, но вслух ничего не говорил. Он-то любил свое единственное дитя до самозабвения.

Дочь подросла и стала писаной красавицей, не уступающей в красоте матери, лишь душа у нее была светлая, как у настоящего ангела, сошедшего с неба, для того чтобы спасти нашу грешную землю.

Но вот однажды жена внезапно выразила пожелание взять девушку с собой. Та с радостью согласилась. Вернулась жена через месяц. Обливаясь слезами, поведала она мастеру о том, что их единственная дочь скончалась от болотной лихорадки по приезде к родственникам.

Ювелир был безутешен, но ни на минуту не усомнился в правдивости слов жены, только лишь изъявил желание как можно скорее посетить могилу дочери. Жена не сопротивлялась открыто, но каждый раз находила все новые поводы для того, чтобы отложить поездку.

Наконец ювелир заподозрил неладное, и, не сказав жене ни слова, уехал к ее родителям один. Каково же было его недоумение, когда он обнаружил, что родители жены скончались несколько лет назад. Сначала он не поверил этому, но сам посетил кладбище и нашел их могилы. Могилы же дочери ему найти так и не удалось.

Вернувшись домой, ювелир не сказал жене ни слова о том, где он был и что обнаружил. Та, испугавшись сначала, постепенно успокоилась и пришла к выводу, что ее супруг ездил по каким-то своим делам.

Ювелир начал следить за женой. Когда она очередной раз собралась ехать к родителям, он сказался больным и по этой причине отказался ехать с ней проводить могилу дочери. Жена уехала, а он последовал за ней, стремясь докопаться до разгадки зловещей тайны.

Мастер прибыл как раз вовремя, чтобы увидеть, как участники черной мессы приносят в жертву сатане молодую девушку. Это была уже не дочь ювелира, но тот проник в суть происходящего.

В следующий раз черная месса была прервана в самом разгаре появлением священников. Жenu ювелира, по его просьбе, не предали смерти, как остальных участников черной мессы, а привезли в монастырь, дабы изгнать из нее демона.

Ритуал был проделан со всей тщательностью и, наконец, душа ее очистилась от скверны. Сразу же после того, как дьявол был изгнан, жена мастера скончалась.

Отпускать демона бродить по земле было бы весьма неосмотрительно, но погубить его было невозможно. Потому решили заточить демона, чтобы не мог он навредить людям. Для этого ювелир изготовил кольцо – простенький серебряный перстень с черным опалом. В него-то стараниями монахов и был загнан демон.

Когда изготовлялся перстень, монах наложил на него заклятье. Он понимал, что когда-нибудь, несмотря на все ухищрения монахов, перстень может попасть в чужие руки. Поэтому бывший ювелир постарался как можно более обезопасить проклятое украшение. Естественно, сделать его совсем безобидной побрякушкой ювелир не мог, но подчинить в некоторой степени демона, таящегося в кольце, воле его владельца, было монахам под силу.

На перстень наложили заклятье, по которому демон мог освободиться только в том случае, если его владелец совершит три проступка, которые разрушат чары. Для того чтобы выпустить демона на свободу, владелец перстня должен был стать причиной смерти женщины, лжесвидетельствовать и лишить ребенка куска хлеба.

После этого демон волен был расправиться с владельцем перстня, и никто не стал бы ему в этом преградой.

Монахи не думали, что перстень еще когда-нибудь окажется в руках кого-нибудь из мирских людей. Мастер, постригшись, остался в монастыре и всегда носил перстень на левой руке как напоминание о своей неосмотрительности и постигшем его горе. Он завещал похоронить зловещее кольцо вместе с ним, тем самым навсегда избавив людей от напасти, но судьба распорядилась иначе.

Однажды мастер отправился с неким поручением в соседний монастырь. По пути на него напали разбойники. Ювелира убили, сняли с шеи золотой крест, а с пальца дешевое серебряное кольцо с черным опалом. С тех пор проклятый камень начал странствовать по свету, принося людям горе.

ГЛАВА 1

Вьюжило и мело так, что нельзя было с точностью сказать, где в этой снежной круговерти сходятся небо с землей. Хотя мороз не был силен, одинокого путника поджидала опасность заплутать в снежном месиве и замерзнуть насмерть, быть может, в двух шагах от людского жилища.

Василий в который раз пожалел о том, что вообще вышел из дому. Вдвойне он сетовал на правительницу-государыню, которой не в добрый час пришла дума узнать – как народ ее живет-может? Да к тому ж и послала разведать такую безделицу не кого-нибудь – знатного боярина, Василия Шорина... И то сказать – с тех пор, как проклятуший этот Ванька Телепнев, боярин конюший, забрал власть над молодой правительницей – старым боярам и слова молвить не дают.

Ох, грехи, грехи... Скорей бы уж, что ли, вошел в возраст маленький Великий князь и постоял бы за землю русскую...

Горестны были раздумья Василия, и странно было оказаться ему, как нищему какому, в такой глуши, на самой окраине славного стольного града – без возка, без слуг, в плохой одежке, которая вовсе не защищала от пронизывающего холода. Да не столь холод мучил, сколько оскорбленная гордость – вот ведь и род древний, и в Думу боярскую допущен – помогать правительнице управляться с обширным государством, а замерзает в чистом поле, как пес бродячий!

Василий понимал, что пройдет еще совсем немного времени, и он обессилено опустится прямо в снег, а еще через некоторое время все тело его оцепенеет и он погрузится в вечный, беспробудный сон. На следующий день, а быть может, если вьюга не утихнет, только весной его найдут и, приняв за нищего, похоронят без имени, без почестей на бедном кладбище за городом.

Глупо, ох глупо так умирать! Дело Божье, конечно, грех роптать. Да и возраст уж... Не молоденький, чтоб зубами за жизнь цепляться. А все же – как хочется пожить еще! Или уж хоть бы не подлой такой смертью умереть, а в своей постели, при священнике, под образами...

Прошло еще некоторое время, и Василий укрепился в мысли, что если он вскорости не найдет прибежища, не миновать ему безвременной кончины. Темнота сгушалась. Вокруг теснились малые утлые хибарки, и ни в одной из них не горел свет. Казалось, что все люди вымерли, и дома эти покинуты давным-давно. Победив в себе брезгливость и гордость, Василий постучался в ближайшую калитку и стал ждать. Однако никто не спешил выйти во двор и полюбопытствовать, кто пожаловал на ночь глядя.

Василий повторил свою попытку достучаться до хозяев, но она оказалась столь же тщетной, что и предыдущая. Боярин отошел от забора и начал вглядываться в заснеженную темноту улочки. Он чуть не вскрикнул от радости, когда в нескольких шагах от себя заметил тусклую светящуюся точку. Это, без сомнения, светилося крошечное окошко одного из домишек.

Не разбирая дороги и то и дело проваливаясь по колено в снег, Василий заспешил к хибарке, в которой, без всякого сомнения, был кто-то живой.

Он что есть силы заколотил в покосившуюся дверь, понимая, что если ему не отворят, то более надеяться не на что. Грохотал кулаками, а сам думал, что никто в такое страшное время не откроет дверь прохожему человеку. Перевелись на Руси такие глупцы. Значит, придется с жизнью проститься.

Такие грустные размышления Василия были прерваны топотом ног с той стороны двери. Через мгновение она скрипнула и отворилась. В маленьких сенях было почти так же темно, как и на улице, но Василий все же смог рассмотреть, что перед ним стоит мужчина.

– Кто здесь? – выкрикнул хозяин дома в ночную темень.

Василий хотел было сказать, кто он есть на самом деле, но внезапно подумал, что незадачливый хозяин может просто испугаться и захлопнуть дверь или же принять Василия за умалишенного и опять же не пустить в дом.

– Помоги, добрый человек! – воскликнул Василий. – Не дай погибнуть бедному страннику!

– Чем же я помогу тебе? – подозрительно спросил голос из темноты.

– Пusti ты меня на ночлег, не дай погибнуть душе христианской! – взмолился Василий.

– Пустил бы я тебя, мил человек, да не в пору ты пришел, – отвечивал голос. – Попропись на ночлег в соседний дом, сделай милость!

– Уж просился я, – почти заплакал Василий, – да люди здесь живущие, либо умерли все, либо спят сном воистину непробудным. Никто не отворил мне двери. Пusti, добрый человек! Я не стану тебе обузой и с рассветом уйду.

– Жаль мне тебя, путник. Слышу по речам – не злой ты человек, не обидишь нас, грешных. Да видишь ты – женка моя надумала рожать. Какой тебе будет ночлег?

У Василия уж зуб на зуб не попадал.

– Не займу я много места, внимания не потребую, да пищи не попрошу! – начал заверять он невидимого хозяина. – Приткнусь где-нибудь в уголку и, лишь только небо засереет, покину твой кров. А за доброту твою, если к утру жена твоя опростается, стану новорожденному крестным!

– Крестным, говоришь? – задумчиво повторил мужик. – Вот это дело! Бедны мы, сам видишь. Кто к нам крестным пойдет? Входи, добрый человек... Тесно у нас, конечно, да дух тяжелый...

С этими словами мужик распахнул дверь и впустил нежданного гостя.

В маленькой горенке, половину которой занимала жарко натопленная печь, дурно пахло. Но после тяжких испытаний этот приют показался боярину раем.

– Ты, вот что, полезай на печь, – тихонько пробормотал мужик, не давая Василию оглядеться. – Ежели устал, так заснешь, а то вишь, что делается...

Василий залез на печь. Там было нестерпимо душно, кисло пахло дублеными шкурами и мышами. Оглядевшись, Василий понял, в чем дело. Лежанка была застлана старым засаленным тулупом, а мыши, очевидно, в голодное время охотно глодали его. Преодолев брезгливость, Василий улегся поудобнее и выглянул в горницу.

Слабо теплилась лучина, и при неверном ее свете гость разглядел нищий приют, куда занесла его судьба. Небогато живет добрый хозяин, что и говорить! Всего-то и скарба – стол да лавки по стенам, заваленные негодящей рухлядью. На одной из скамеек смутно виднеется распростертая в полумраке женщина. Над ней суетится сгорбленная, жалкая фигура – видать, старушонка-помощница.

Тошно было смотреть на такое мужичье хозяйство, да и тяжелая усталость навалилась на веки, и он заснул.

Однако долго спать ему не пришлось. Посреди ночи рожаящая баба начала громко стонать. Постепенно стоны переросли в душераздирающие крики и, когда Василий был уже готов соскочить с печи и бежать куда глаза глядят, лишь бы не слышать жутких завываний, душный сумрак каморки прорезал детский крик.

Услышав плач новорожденного, мужик, хозяин дома, до сих пор сидевший на лавке в каком-то странном оцепенении, подскочил, как ужаленный, и кинулся к жене.

– Кто? – воскликнул он, протягивая к бабке, обтирающей младенца, заскорузлые руки.

– Мальчик, – скрипучим голосом поведала старуха.

– Сын! У меня сын родился! – вскричал мужик.

«Надо же! – думал про себя Василий. – Если так рассудить, то нищему-то этому мужику убиваться надо: как ни верти, а еще один рот теперь кормить. А он знай себе радуется!

Воистину дивны твои дела, Господи!» С этою мыслью Василий заснул и проснулся, когда тусклый свет зимнего утра осветил каморку, пробиваясь через муть затянутого бычьим пузырем окна.

Роженица мирно спала на лавке, у груди ее лежал туго запеленатый краснолицый младенец. Хозяин прикорнул на второй из имевшихся в лачуге лавке. Шаги Василия разбудили его, он сел, протирая покрасневшие от недосыпа глаза. Оказалось, что это молодой еще совсем мужик, светловолосый и сероглазый. Тяготы жизни, однако, наложили уже свой скорбный отпечаток на его внешность – ссутуленные плечи, изможденное лицо с ввалившимися щеками, тело – словно из одних жил, ни капли мяса на костях.

– А-а-а, странник, проснулся уже? – протянул мужик, потягиваясь. – Ты только уходить-то не спеши! О своем обещании вчерашнем помнишь ли?

– Помню, – утвердительно кивнул головой Василий.

– Так я сейчас мигом за батюшкой-то схожу, – обрадовался мужик и, напялив старый тулуп, на котором почивал Василий, выбежал вон из дома.

Василий сел на освободившуюся лавку, принялся от нечего делать глядеть в мутное оконце, через которое, даже при великом желании разглядеть почти ничего нельзя было.

– Ой, кой-то тут? – внезапно послышался приглушенный женский вскрик.

Василий оборотился от окна. Хозяйка сидела на скамье, одной рукой придерживая младенца, а второй пытаясь прикрыть заплатанным одеялом оголившуюся грудь.

«Это надо же, какая красота порой в нищете родится!» – подумал Василий, оглядев ладный полный стан женщины и всмотревшись в ее красивое лицо с совершенными, правильными чертами лица. «Такой не в бедной избенке обитать, а по княжым покоям в самый раз разгуливать!»

– Не пужайся, – сказал Василий вслух, заметив, что женщина находится в полном смятении. – Я странник, калика переходной. Вчера ночью чуть не замерз под вашим окном, заплутав в снежном буране. Муж твой пустил меня по доброте душевной переночевать. Я же пообещал стать крестным отцом вашему дитяти.

Мужичка, выслушав Василия, поуспокоилась, хотя и продолжала бросать на него время от времени опасливые взгляды из-под черных стрельчатых ресниц.

Прошло еще некоторое время, дверь отворилась, впуская в горенку холодный воздух и мужика, приведшего с собой сухонького маленького священника. Священник был столь же беден, как и весь его приход, и так печален, словно впитал в себя все скорби своей паствы.

Обряд крещения произведен был быстро и скромно. Совсем не к такому привык Василий. Его единственную любимую дочь крестили с пышностью в большом белокаменном соборе, и князь был ее крестным. Богатый пир закатил Василий после дочкиных крестин...

Давно это было. Прошли года, улетела молодость – недогулянная, за нелюбимую женою оставленная. Теперь вот уж и Настенька со дня на день опростаться должна, а ведь недавно еще качал ее на коленях совсем крошечную. И лепетала она потешно и тянула пухлые все в перевязочках ручонки к густой отцовской бороде. Да, минула, пролетела жизнь, будто и не начиналась...

Младенца, народившегося во выюжную, непроглядную январскую ночь, нарекли Михаилом.

– Что ж оставить тебе, крестник, в подарок? – задумчиво сказал Василий, глядя на круглощечного бутуза. – И нет ведь у меня с собой ничего...

Мужик с женой притихли в ожидании.

– Разве что отдам я тебе перстенок свой. Дешев он по цене, зато сердцу моему близок, – пробормотал Василий и снял с руки старинный серебряный перстень с вправленным в него большим темным непрозрачным камнем. – Вот крестнику моему подарочек! – сказал Василий,

протягивая перстень родителям народившегося. Мужик, звали его Захаром, протянул руку, и в тот момент, когда коснулась серебряная вещица ладони, случилось диво дивное.

Показалось Захару, будто сверкнула в темном камне алая молния, и тотчас гулкий раскат грома пророкотал в небе.

– Что это? – воскликнул Захар, отшатнувшись.

– Где? – не понял Василий.

– Не бывает грома среди зимы! – воскликнул хозяин. – Да и каменьев, молнии мечущих, до сих пор видеть мне не приходилось! Уж не колдун ли ты, странник?

– Что с тобой? – тревожно спросила его жена. – Какие молнии? Какой гром? Уж не захворал ли ты часом?

– Быть может, с недосыпу ему всяко мерещится? – поддакнул Василий, также ничего не видевший и не слышавший.

Захар, хоть и уверен был в том, что ничего ему не померещилось, спорить не стал. Он задумчиво смотрел на странный перстень и все казалось ему, что пляшет в нем, бьется, сияясь пробить каменную преграду, кроваво-алый жаркий огонек.

– Спасибо тебе, добрый человек, – улыбаясь светло, заговорила тем временем хозяйка. – Век не забудем мы доброты твоей. И за подарочек спасибо... Повешу я его Мишеньке на шею на гайтанчике, а подрастет, так на пальчике носить станет, как положено. Али так – в сундучок положу, а как в возраст войдет – и отдам...

Василий простился с бедным семейством и отправился в путь. Домашние уж верно с ума сходили, посчитав пропавшим, навеки сгинувшим. Возка на условленном месте, конечно, не было, что немало Василия рассердило: «Раз хозяин приказал ждать, так мерзни хоть сутки напролет, а его дождись! Ох, и достанется Игнату! Дай только до дому добраться!»

Шел Василий пешком, вдыхал морозный воздух и все не выходила у него из головы красавица-мужичка. Что-то проснулось в душе у немолодого боярина, щемящее, нежное, теплое. Вспоминал он плавные изгибы бабьего тела, глубокие, чистые глаза ее под густыми ресницами, и сердце сладко замирало от этих дум.

Много баб перевидал на своем веку Василий. По юности столько служанок попортил, что даже на батюшкину брань нарвался. Оженили его рано, боялись – забалуется. Отец с матерью супругу выбирали, и выбрали на славу – и богата, и рода старого, и собой хороша. Да вот только не пришлась она Василию по сердцу. Сколько годов с тех пор прошло, а до сих пор живут, как воют. И не с чего вроде – молчалива Марфа, покорна, да холоднее сосульки. За высокомерие не раз бивал ее Василий. И знала ведь гордычка, что худо придется, а все равно, нет-нет, да и ловил на себе Василий холодный взгляд, яснее всяких слов говоривший: «На мои деньги есть, пить, да гулять изволишь, сударь!»

В какой-то степени это было правдой. Однако Василий и сам приложил немалые усилия к тому, чтобы женино богатство не только сохранилось, но и существенно преумножилось. Оттого боярин злился на жену свою только сильнее.

По молодости гуливал Василий и вел жизнь веселую, хмелем полную. Из-за холодности супруги своей не пренебрегал он женскою ласкою, и умел ценить ее. Однако в последнее время чувствовал Василий, что становится стар для подобных веселий. Шумные попойки остались в прошлом, и уж не помнил он, когда в последний раз ночевал у веселой вдовушки.

Теперь же точно молния прошибла его. Так захотелось вдруг немолодому боярину ласки да любви, что хоть волком вой. Он представил себя в объятьях красавицы-хозяйки, и сердце подскочило в груди и застыло в предвкушении радости. Василию даже не было холодно, несмотря на то, что морозец был нешуточный.

Однако вскоре Василий был уже дома. Потом он удивлялся тому, что не смог найти дорогу в темноте. Днем это оказалось сделать проще простого.

Домашние встретили его радостно, но вместе с тем и настороженно – знали страшный хозяйский гнев и боялись его. Что, кстати сказать, было вовсе не напрасно.

Войдя в сени, Василий зычным голосом крикнул слугу. Через мгновение возле него стоял уже перепуганный Прохор. Помогая хозяину раздеться, он не переставал лепетать: «Слава тебе Господи! Жив и здоров наш хозяин!»

– Ну, что ты запричитал, как глупая баба? – не выдержал Василий. – Кабы я и вправду верил в то, что вы по мне горевали! А то ведь знаю я, отчего воешь! Боишься, что серчать буду на Игната и тебе заодно достанется!

– Не изволь на него гневаться, батюшка! – заскулил Прохор. – Игнат-то и сам лишь под утро явился, да весь промерзший, обмороженный!

– Не твое собачье дело решать, на кого мне гневаться, а кого миловать! – рявкнул Василий и тяжелой поступью направился к себе в опочивальню. Не на шутку испуганный Прохор следовал за ним.

– А что хозяйка дома? – спросил Василий.

– Уехавши, – робко ответил Прохор.

– Куда? – вовсе уж осерчал Василий.

– Того не ведаю, – осторожно ответил Прохор, и по его голосу понял Василий, что все он прекрасно знает, только молвить боится.

– Ты мне здесь не юли! – рявкнул Василий. – А не то я тебя вместе с Игнатом наказать прикажу! Ну-ка, сказывай, куда боярыня уехать изволила.

Прохор весь сжался, как будто увидев воочию картину жестокой над собой расправы.

– К дочери она поехала, – наконец выдал он.

– Почто же она меня не дождалась? – удивился Василий.

Ранее Марфа одна к Насте не ездила и, вообще, бывала у нее довольно редко, в основном – на святые праздники.

– Неужто она об моей участи совсем не беспокоилась?!

Неужто все равно ей, жив я или нету меня боле на свете белом! – сердито произнес Василий, более разговаривая сам с собой, нежели обращаясь к слуге. – Али поспешила она всем рассказать, что сгинул я?

– Не извольте на боярыню гневаться! – вновь заскулил Прохор. – Дочь ваша рожает. Вестового сегодня утром прислали!

– Вон оно что! – вскричал Василий. – Да что ж ты по сию пору о том молчал! – накинулся он на слугу.

Тот позеленел от страха и поспешил юркнуть в дальний угол – хозяин бывал крут, расправляясь со слугами.

– Да, ладно не бойсь, – уже мягче произнес Василий. – Прикажи Игнату запрягать. Сейчас переоденусь я и тоже к Насте поеду.

Прохор поспешил удалиться. Вдогонку ему понеслось:

– Да передай Игнату, что небывало повезло ему сегодня! Если б не Настасья, то я б с него шкуру спустил!

ГЛАВА 2

Зять Василия, боярский сын Степан, жил у самого Кремля, в просторном тереме, выстроенном на деньги Василия. То был свадебный его подарок любимой дочери.

Зять Василий недолюбливал за излишнюю мягкость его характера, за то, что был он слишком тих да робок. Да уж больно любил Василий свою дочь, а потому не стал перечить, когда призналась она в том, что посватавшийся Степан люб ей.

Когда же стало ясно, что Настя тяжела, Василий стал много лучше относиться к зятю. Размышлял про себя, что будь он хоть татарин, главное, чтобы доченька счастлива была да внука здорового родила ему.

И вот час настал. В светлой палате застал Василий жену свою Марфу. Та сидела на лавке в уголке и неотрывно смотрела в окно. Волнение ее выдавали лишь белые холеные, многими перстнями украшенные руки, не перестававшие тискать и мять вышитый платочек.

Услышав шаги, Марфа отворотилась от окна. Но не дрогнуло лицо, ни печали, ни радости не отразилось на нем при виде мужа, бесследно сгинувшего накануне. «Ледышка проклятая!» – подумал про себя Василий, но вслух того не сказал. Не место да и не время было жену учить почтению.

– Ну, что там? – вместо этого спросил он.

– Не знаю, – ответила Марфа. – Но что-то, видать, неладно... Она ведь, бедняжка, со вчерашнего вечера мучается...

– Отчего же сразу не позвали? – возмутился было Василий.

– Думали, что как опростается, так уж и позовут, – охладила его гнев жена. – А она вон, никак!

И вдруг увидел Василий, как по щекам жены его побежали слезы. Отродясь не видел Василий, чтобы Марфа плакала. Все обиды и даже побои сносила она молча, с ледяным спокойствием. Иногда казалось Василию, что плакать его жена вовсе не умеет, оттого растерялся боярин совершенно. Надо было б сказать бабе что-нибудь ласковое, да что?

– Ну, чего слезы-то льешь? – наконец обратился он к Марфе, стараясь не глядеть на ее покрасневшие от слез глаза.

– Чует мое сердце, случится что-то недоброе!

– Прикуси язык, глупая баба! – воскликнул Василий. – Ишь чего удумала! С чего это недоброму-то случаться? Лекаря-то к ней звали?

– Звали, самого лучшего сыскали...

– Ну и что он говорит?

– Сказывает, что дочка наша росточком не вышла, косточки у ней тонкие да узенькие, а ребенок крупный. Оттого она и разродиться так долго не может.

Марфа снова начала всхлипывать и вытирать слезы вышитым платочком. Василий в эту пору понял, что слезы женины еще более злят его, чем извечное ее молчание.

– А Степан где? – спросил он.

– Возле опочивальни. Ни на шаг оттуда не отходит. Со вчерашнего вечера себя изводит!

– Ну, это он зря! – буркнул Василий. – Когда мужик в бабьи дела встревать начинает – ничего хорошего из того не выходит!

– Так любит ведь он Настеньку, – тихо произнесла Марфа. – Вот и места себе не находит. Ты-то, конечно, понять того не можешь... – горько добавила она.

– Попридержи язык, глупая баба! – воскликнул Василий. – А то ведь я не посмотрю, что мы в чужом доме, научу тебя, как с мужем разговаривать надобно!

Марфа промолчала. На лице ее вновь застыло выражение полного безразличия.

Потекли тяжкие минуты ожидания. Время от времени Марфа начинала плакать, но, поймав грозный взгляд Василия, брала себя в руки и оборачивалась к окну, до рези в глазах вглядываясь в белый пух снежных завалов. День был солнечный, и яркие лучи заставляли рассыпаться сугробы бесчисленным множеством переливчатых искр.

Незаметно подкрались сумерки, расстелив синие тени, превратив сугробы в подобие мрачных разрушенных теремов.

Вдруг на лестнице послышались нетвердые шаги. В палату, шатаясь, словно перебрав хмельного, вошел Степан. Его обычно улыбочное, добродушное лицо, было на сей раз мрачно, и Василий застыл в предчувствии дурной вести.

– Как Настя?! – кинулась к нему Марфа.

Степан молчал, невидящими глазами глядя на горящие на столе свечи.

– Ну что же ты молчишь? – продолжала допытываться Марфа. – Что с моей дочерью?

Степан прислонился спиной к стене и, как-то обмякнув всем телом, сказал глухим, чужим голосом:

– Нет у вас больше дочери!

После этого Степан сполз по стене и, закрыв лицо руками, заплакал – глухо, страшно...

Не сразу понял Василий слова зятя. Зато когда понял боярин, что произошло, такая пустота открылась в его сердце, такая острая боль пронзила его, что застонал Василий в голос.

Стон этот сразу же подхватила Марфа, зарывав так, как плачут только по покойнику.

– Как же это! – подскочив к Степану и схватив его за грудки, вскричал Василий. – Что ты сделал с дочерью моей!

Степан молчал. Казалось, что начини его сейчас Василий бить смертным боем, пожелай душу из него вытряхнуть – он бы и руки не поднял.

– Отпусти его, Василий! – закричала Марфа. – Он-то тебе чем виноват?

– Я ему дочь свою доверил! А он не уберег!

– Так то ж не его вина! На все воля Божья! Он дал, он и взял! – рыдая в голос, пыталась утихомирить мужа Марфа.

Однако все ее попытки были тщетны. Ярость ослепила Василия и он, может быть, убил бы Степана, если бы подоспевшие слуги не разняли их.

Когда оба они сидели на лавке – Василий, злобно поглядывающий на зятя, и Степан, с тем же, что и прежде отрешенным выражением лица, в палату вошел лекарь. Был он немолодым человеком, роста маленького и собой нескладен.

Лишь только глаза были хороши – ум светился в них и грусть, и жалость ко всем страдающим на этой земле.

– Я вижу, что печальная весть уже дошла до вас, – сказал лекарь, оглядев собравшихся, и мгновенно смекнув, что к чему.

– Неужто нельзя было спасти нашу Настеньку?! – воскликнула Марфа и снова заплакала.

– Никто уж не мог ей помочь, – отвечал лекарь, опасливо поглядывая на Василия, чьи глаза вновь засветились яростью. – Однако, хоть горе ваше безмерно, должны вы найти утешение во внучке вашей.

Договорить лекарь не успел.

– Внучка! – возопила Марфа. – Где ж она! Что ж ты, Степан, не сказал, что ребеночек жив?

– Не в радость мне этот ребенок, – пробормотал Степан. – Что мне в ней, коли Настеньки боле нет на свете? Как смогу любить я дочь, всегда памятуя, что стала она причиной гибели матери своей?

– Что ты говоришь такое, Степан?! – возмутилась Марфа. – Это ж дочь твоя родная, как же ты можешь не любить ее?

– А я никого и ничего не смогу более любить, – сказал Степан и вновь замолчал, погрузившись в пучину своего безысходного горя.

– Опять девчонка, – пробормотал Василий, следуя за женою своей наверх. – Видно, проклят наш род, коли не можем мы более произвести на свет божий сыновей!

Проходя мимо опочивальни, Василий почувствовал неизъяснимый страх. Здесь мучилась и умирала его дочь, его кровиночка, та, которую любил он более всего на свете. Она, верно, и сейчас лежит там холодная, недвижимая и ко всему отныне безучастная. И это его Настенька, которая с детства была непоседой и хохотушкой, которая так любила веселье и шумные праздники!

Марфу, должно быть, посетили похожие мысли. До слуха Василия донеслись ее приглушенные всхлипывания.

Недалеко от опочивальни была небольшая светелка, где Настя, пока была тяжела, занималась рукоделием. Туда-то и перенесли новорожденную.

Слуги, любившие своих хозяев за их добрый нрав, за то, что были они всегда ласковы и к ним и, тем паче, друг к другу, успели похлопотать и поручить младенца дородной кормилице, которая и держала теперь у груди спокойно спящего ребенка.

Марфа на цыпочках подошла к кормилице и взяла внучку на руки. Она продолжала плакать, но старалась делать это как можно тише, чтобы, не дай бог, не разбудить ребенка.

Василий подошел поближе, внимательно оглядел внучку и вновь отошел. Маленьких детей он не любил, не зная, что с ними делать, как обращаться. Он считал возню с младенцами делом для мужчин недостойным и всегда с презрением относился к бабьим сюсюканьям над люлькой.

Так и в этот раз. Краснолицая курносая девочка не произвела на него впечатления. Он не почувствовал щемящей нежности в груди, от мысли, что это его единственная внучка, последний дар горячо любимой дочери. Так же тихо, как и вошел, Василий покинул светелку, оставив Марфу одну наедине с ее горем и радостью.

Спустившись обратно в палату, где прошли долгие, тягостные часы ожидания, он нашел ее совершенно пустой.

Внезапно Василий почувствовал такое желание напиться, что позвал слугу и приказал тому подать зеленого вина, да закуски.

– А где все? – поинтересовался он у расторопного слуги. – Где лекарь? Где Степан?

– Лекарь уехал, – ответил расторопный слуга, – а господин, не знаю где.

– Сыщи мне его, – приказал Василий, – да накрой в трапезной на двоих.

Перебравшись в трапезную, Василий стал напиваться, одну за одной опрокидывая внутрь себя стопки с водкой. К тому моменту, как в трапезную, покачиваясь, вошел Степан, боярин был уж хмелен.

– Садись, – указал он зятю на лавку против себя. – Помянем дочь мою любимую, чтоб на том свете было душеньке ее легко!

Степан побледнел, как полотно. Казалось, он вот-вот вновь забьется в рыданиях. Но сдюжил и послушно присел на край лавки.

– Словно не у себя в дому, – презрительно усмехнулся Василий. Он наполнил свою стопку и стопку Степана до краев и приказал:

– Пей!

– Не хочу я... – устало ответил Степан.

– А через нехочу!

Степан покосился на стопку, потом, словно с трудом, оторвал ее от стола и лихо опрокинул в рот.

Пили молча. Слышался лишь звон посуды да хруст соленых огурцов.

К тому моменту, когда Марфа, вдоволь наплакавшись и насмотревшись на внучку, спустилась вниз, и Степан, и Василий были уже настолько пьяны, что с трудом понимали, где они находятся.

Марфа ничего не сказала, лишь брезгливо поджала губы.

– Что пялишься, глупая баба? – заплетающимся языком выговорил Василий.

– Домой поедem, али здесь ночевать останемся? – сухо спросила Марфа.

– Что тебе от меня нужно? – совершенно уже ничего не понимая, продолжал нападать на жену Василий.

Марфа, поняв, что всякий разговор с мужем напрасен, повернулась и, ссутулив плечи, направилась к выходу. Вслед ей понеслась непотребная ругань.

ГЛАВА 3

Анастасию Васильевну, дочь боярскую, предали земле через три дня. Похороны поражали той же пышностью, как когда-то крестины крошки Насти.

Василий все три дня заливал горе вином, а оттого, кажется, и не понимал до конца, что хоронят его дочь. Был он хмельным, зло косился на зятя, которого с новой силою начал люто ненавидеть.

Марфа, закаменевшая в своем горе, стояла над разверстой могилой, как сама скорбь воплощенная. Ни дома, когда собирали ее единственную дочь в последний путь, ни на кладбище, когда опускали домовину в могилу, ни позже, во время поминальной трапезы, не проронила она ни слезинки. Люди, не понимающие, что молчаливое горе куда более остро, чем то, которое без конца омывается слезами, дивились черствости матери покойной.

Но все сочувствовали Степану. Он, казалось, лишился разума. Горе подкосило его. Еще несколько дней назад Степан был веселым, улыбочивым человеком, влюбленным в свою красавицу-жену и с нетерпением ожидающим пополнения в дружной своей семье. За трое суток, прошедших со времени кончины Анастасии, он совершенно переменялся. Теперь он выглядел почти что стариком. За одну ночь Степан поседел, и его лицо, не выражавшее ничего, кроме горя, способно было напугать кого угодно.

Когда же пришла пора опускать гроб в могилу, Степан, стоявший до того времени в каком-то тупом оцепенении, завыл в голос и с диким, нечеловеческим криком, кинулся на гроб.

Его оттащили, хотя он вырывался и все пытался спрыгнуть в разверстую могилу. Народ жалостливо охал и жалел несчастного. Пока могилу закидывали землей, обезумевшего от горя Степана держали двое дюжих молодцов.

Нет звука тоскливее и безысходнее, чем удары комьев земли о крышку могилы. Этой страшной, последней музыки не слышит уж усопший – рвет она сердце оставшимся на грешной этой земле...

Могилу закидали землей. Вскоре над ней вырос невысокий холмик из промерзшей земли, в который врыли кованый чугунный крест.

Поминальная трапеза затянулась допоздна. Народ все шел и шел. Люди рассаживались за столы, откушивали по три ложки кутьи и со скорбными лицами принимались за остальные поминальные блюда, время от времени поднимая стопки с зеленым вином – на помин души усопшей.

Степан ничего не ел, не пил. Он сам был похож на мертвеца, настолько бледно было его лицо, и лишь глаза его светились неистребимой тоской.

Люди разошлись поздним вечером. Марфа, командовавшая слугами во время поминок, настолько вымоталась, что решила ночевать в доме зятя. Василию было все равно – он был непотребно пьян и то и дело клевал носом.

Слуги довели Василия до ложа, и вскоре он уже спал мертвым сном, оглашая весь терем свирепым храпом. Уставшая Марфа нашла себе тихое пристанище в маленькой уютной каморке и обессилено опустилась на узкую постель.

Несмотря на усталость, сон не шел к Марфе. Перед ее мысленным взором прошла вся жизнь, в которой было так мало радостей и так много печали и слез. Нелюбимый грубый муж, которого она побаивалась, но была слишком горда, чтобы показать свою слабость. Никогда не был с ней ласков супруг, ни разу не приласкал от души. Знала Марфа – не любя она ему, да и не старалась милой быть. Она прекрасно знала о том, что Василий не чурается шумных застолий и догадывалась о том, что кроме нее он разделяет ложе еще со многими женщинами. По молодости это печалило женщину, но потом свыклась она и с этим, даже рада стала – пусть

себе идет постылый, куда душе его угодно, лишь бы оставил в покое, не мозолил глаза, не принуждал долг супружеский исполнять!

Совсем бы тошно Марфе пришлось в холодном мужнином доме. Не только Василий, но даже и слуги невзлюбили ее за высокомерие. Да что она могла поделывать? Не от гордости была она холодна и неприветлива, а от робости одной. Так и жила, непонятая, одинокая, пока не родила дочь – свою ненаглядную Настеньку. Все тепло, всю свою любовь отдала Марфа крошке дочери. Только лишь ради нее жила она на белом свете.

Настя подрастала, и Марфа с удивлением поняла, что Василий, не питавший ранее к дочери никаких нежных чувств, привязался к ней всей душой. Он проводил с Настей долгие часы, тетешкая ее и рассказывая какие-то нелепые, им же самим придуманные сказки.

Жизнь между тем текла своим чередом. Седмицы складывались в месяца, месяца в года. Марфа и оглянуться не успела, как дочь повзрослела и заневестилась. Начали приезжать сваты, но Марфа в голос кричала, что Насте рано еще выходить замуж, что дите она неразумное и тяготы семейной жизни слишком большое бремя для нее. Василий молчал, но в душе, видимо, был с женою согласен, потому как неизменно давал сватам от ворот поворот, тем более что сама Настя о замужестве и не помышляла. Балованная дочь, она не спешила взрослеть – ей нравились цветы, котята, девичьи побалушки, а вовсе не женихи, исправно засылавшие сватов к отцу.

Прошло еще какое-то время, и Марфа начала примечать, что с дочерью творится что-то неладное. Настя часто была печальна и рассеянна, на вопросы матери отвечала невпопад, а в ангельских кротких глазах ее застыла печаль.

– Что с тобой деется, доченька? – однажды, не выдержав, спросила Марфа.

– Ничего, мама, – ответила Настя, потупив взор.

Однако слово за слово Марфе удалось выведать у дочери тайну. Забилось, оказывается, дочерино сердечко, смутил его видный парень! Марфа, помнившая о своей нескладной супружеской жизни, и желавшая дочери своей только счастья, сразу встала на сторону дочери и только облегченно перекрестилась, узнав, что Настасина любовь – боярский сын, хоть и не из богатых, а не какой-то там смерд. Это значило, что Василий не будет сильно противиться браку.

Марфа улучила момент и поведала о Настиной любви своему мужу. Поначалу Василий не хотел даже слышать ничего о молодом боярине, коего дочь его сама избрала. Как когда-то Марфа, он не переставал твердить, что Настасья еще совсем ребенок и рано ее из родимого дома отдавать.

Однако, видя, что дочь от горя прямо-таки тает на глазах, Василий решил, что чему быть – того не миновать, и вскоре уже принимал сватов. Потом приехал и сам боярский сын Степан.

Василию будущий зять не приглянулся сразу. Вечером того же дня, разгоряченный хмельным вином, коим потчевали гостей, Василий кричал на весь терем, что Степан его дочери неровня, что слишком он мягкотел и слаб, и на мужика-то не похож!

Марфа мужнины излияния слушала молча. Сама она приняла Степана сразу, подумав, что именно такой муж и нужен ее дочери. Он ласков и добр, а то, что в Настеньку влюблен, у него на лице написано. А что мягок, так то только к лучшему – может, хоть дочери ее не придется испытать на себе тяжесть мужниного кулака.

Василий ворчал еще долго, но, в конце концов, смирился и начал готовить свадьбу. Все хлопоты он взял на себя, не доверив их ни Степану, ни его захудалой родне.

Свадьбу ту помнили жители Москвы долго. Невеста была так красива, что самые злые языки не смогли ничего сказать про нее плохого. И жених, и невеста были счастливы, а после свадьбы жизнь их была словно сплошной праздник.

Марфа тихо радовалась, глядя на счастье своей дочери. Василий, по-прежнему не питавший к Степану особой любви, все же стал относиться к нему более приязненно, хотя при каждом удобном случае принимался учить его тому, как нужно жить да как с женой управляться.

Степан терпеливо сносил эти докучливые назидания, и лишь потом говорил Настеньке со вздохом, что сердечно жалеет свою тещу – как она за таким мужем жизнь прожила?

Судьба оказалась жестока. Только Марфа порадовалась тому, что скоро будет у нее ненаглядный внук или внучка, и жизнь ее станет как никогда полной, как Бог решил лишить ее последних в жизни радостей.

Марфа тяжело вздохнула и заплакала тихо, по-бабы. Слезы, наконец прорвавшие некую невидимую преграду, потекли нескончаемым потоком, принося облегчение и какое-то подобие покоя. Только под утро забылась несчастная женщина тревожным тяжелым сном.

Однако на рассвете Марфу разбудил истошный женский вопль, доносившийся со двора. Через несколько мгновений в доме начался настоящий переполох. Марфа, не на шутку встревоженная, поспешила одеться, решив выйти и узнать причину шума. Когда она уже направлялась к двери, в нее постучали.

В каморку вбежала бледная перепуганная служанка.

– Беда, госпожа! – запричитала она, размазывая слезы по лицу.

– Говори толком, – приказала Марфа, почувствовав недоброе.

– Хозяин, хозяин себя порешил! – простонала девушка.

– Как... порешил... – не поверив своим ушам, запинаясь, переспросила Марфа.

– Удавился, в конюшне на вожжах. Маланья пошла утром корову доить, да услышала, что лошади ржут. Она сразу неладное заподозрила... Вошла, а он там... висит... холодный уж совсем...

Сначала Марфа подумала, что это ее Василий наложил на себя руки. Теперь же до нее дошло, что речь идет о Степане. Она сама испугалась того, что не испытала ни малейшего облегчения от своего прозрения.

– Что же делать-то теперь, госпожа? – продолжала рыдать служанка.

– А Василия разбудили? – спросила Марфа, уже торопясь по коридору.

– Не знаю... Я сразу сюда кинулась...

Когда Марфа вышла в трапезную, там толпились только присмирившие слуги. У слуганок лица были красны от слез. Мужики переминались с ноги на ногу и тяжело вздыхали. Все слуги любили своих хозяев. Смерть молодой госпожи они переживали так, будто умерла их кровная родственница.

Теперь же отошел в мир иной хозяин, и дворня даже представить себе не могла, что ждет их впереди.

Марфа только хотела отдать приказание разбудить Василия, как он сам появился в дверях. Хмель еще не выветрился из его головы и глаза были налиты кровью.

– Что здесь творится, черт возьми! – гневно рявкнул Василий, оглядев притихших слуг.

– Не кричи, Василий! – прервала его Марфа.

– А ты мне не приказывай, что делать, глупая баба, – напустился на жену Василий. – Скажи лучше, какого дьявола в такую рань мне спать не дают.

– Степан удавился... – тихо сказала Марфа. Силы оставили ее, и она бессильно опустилась на лавку.

Василий молчал некоторое время, переваривая услышанное, потом зло сплюнул на пол.

– Всегда я знал, что он слюняй мягкотелый! – зло буркнул Василий. – Где удавился-то?

– В конюшне, – подал голос кто-то из слуг. – Там, на вожжах висит.

– Что же делать-то теперь, Господи! – запричитала та самая служанка, что принесла Марфе ужасную весть.

– Из петли вынимать, что ж тут еще сделаешь! – проворчал Василий.

Так в доме, в котором еще совсем недавно так часто звучал смех, чьи хозяева были счастливы, поселилось горе. Второй раз настежь открылись широкие дубовые ворота, и отправился

хозяин в последний путь. Второй раз за короткое время собрался честной народ за длинные столы, помянуть хозяев дома сего.

После похорон терем заколотили. Василий порешил для себя продать несчастливое жилище при первом же удобном случае. Так как отец Степана скончался за год до сына своего, все Степановы владения перешли к малолетней Настеньке, названной так в память о покойной матери.

Марфа взяла все заботы о внучке-сиротке на себя и скоро обустроила ее с кормилицей в самой светлой, самой красивой палате своего терема, и сама пропадала там дни и ночи.

Василий же на внучку никакого внимания не обращал. Какая в ней сейчас радость, в такой несмысленной! Вот как подрастет, станет похожей на дочку Настеньку – другое дело. Да и недосуг ему было – прибавилось забот в Думе боярской. Прибрал Бог правительницу Елену, и то бы не беда – ужасы, которыми сопровождалось ее правление, отворотили от нее народную любовь. Многие думали, что не своей смертью она умерла – была, вроде, здорова, в самой цветущей поре... Но доискиваться не стали, а поставили у власти князя Ивана Васильевича Шуйского. Увы, бедная Россия еще более терпела при нем – зол и жаден был новый правитель, горд и дерзок не только с боярами, но даже и с самим малолетним государем... Оставалось молиться и ждать, когда Иоанн подрастет и сам возьмется за власть.

Но среди ежедневных забот была у Василия и иная дума, светлая. Все не шла у него из головы красавица-мужичка, сыну которой пришлось ему стать крестным отцом в ту памятную метельную ночь. Когда умерла дочь, Василий словно бы и позабыл о хозяйшечке, но крепко, видать, она запала ему в душу – вспомнилась теперь и не давала покою.

Как в юности, загорелся Василий. Вот ведь – и седина в виске, и душа крепка, закалена жестокостью – а все ж хочется бабьей ласки, тепла да приветного словечка. От жены сроду добра не знал, так хоть на старости лет отведать!

И грех ведь, грех! Знал это Василий, а все не мог от помысла своего отказаться. Задумал он как-нибудь да избавить зазнобушку свою от супруга ее, мужика смердного, и пригреть в своем тереме, подле себя.

Знала бы его зазноба о том – бежала бы на край света, куда глаза глядят! Да нет, не упредило ее сердце – жила по-прежнему, занималась по хозяйству да нянчила сыночка, была счастлива по-своему. Многие завидовали ей – вот, хоть и никак из нужды не выбьются, а жалеет Захар жену, ничем не обижает. Мало Анна видела ласки в своей жизни, осиротела рано, а тетке ее, нравной и самовластной женщине, недосуг было заботиться о племяннице. Выдала ее замуж, только чтобы с рук сбить, и дело с концом! Захар же заботился о жене, и Анна отвечала ему благодарностью.

ГЛАВА 4

Так бы и жили день за днем, год за годом, да ведь беда не по лесу ходит, а по людям! Прокралась она незаметно и в бедный домишко на окраине города. Однажды услышала Анна торопливый стук в дверь и, отворив, увидела соседского мальчишку Ванюту. Был Ванюта не на шутку напуган, а оттого и речь его невнятной оказалась.

– Там! Там... Кровь и .. он ... Народу уж тьма набежалась! – затараторил мальчишка.

Сердце у Анны оборвалось.

– Да кто там, говори! – тряхнула она Ванюту за плечи, но мальчонка вывернулся и заревел.

Анна обмерла.

– Верно, с Захаром неладно, – прошептала дрожащими губами. Выхватив младенца из люльки, Анна закутала его потеплее и сама, накинув на плечи первое, что под руку попало, рванулась к двери.

– Где, где он, показывай! – прикрикнула она на переминающегося с ноги на ногу Ванюту.

Мальчишка сорвался с места, и вскоре они уже бежали что есть духу по узким заснеженным улочкам. Бежать было трудно, после оттепели подморозило, и улица покрылась сплошной ледяной коркой, на которой разъезжались ноги. Несколько раз Анна чуть было не упала, но на руках у нее мирно посапывал Мишутка, и страх нарушить сон дитяти заставлял мать каждый раз удерживаться на ногах.

Улочка уперлась в маленькую площадь, на которой собралась уже порядочная толпа народа. «Только пусть он будет живым! Пусть будет живым!» – твердила про себя Анна, приближаясь к толпе. Протискиваясь между тесно стоящими людьми, Анна все пыталась рассмотреть, что ждет ее впереди. Внезапно она выскочила на середину площадки, вокруг которой толпился народ. Там, на окровавленном снегу лежал ее Захар. И с первого взгляда Анна поняла, что случилось самое страшное – он мертв. Огромная рана темнела на лбу Захара, и весь он был поломан и раздавлен.

Анна опустила перед мертвецом на колени и привычным жестом, не сознавая, что она делает, поправила русую прядь на ледяном лбу. Сперва Анна не чувствовала ничего, кроме пустоты и тоскливой безысходности. Но вдруг ее будто накрыло душной волной, и женщина зарыдала в голос, не отводя взгляда от спокойного, строгого лица супруга.

– Жена, должно быть, – сказал кто-то в толпе. – Жалко-то как! Ведь пропадет теперь без кормильца! Да еще и дите совсем малое!

– А одета-то как легко! Не дай бог, еще застудится! – сказал другой голос.

Анна почувствовала, как добрые руки накиннули ей на плечи тяжелый тулуп, кто-то уже подошел, гладил по голове, бормоча неловкие слова утешения.

– Ты не терзай так себя, детонька, – произнес ласковый женский голос, совсем рядом, под ухом. – Его уж не вернешь, а тебе еще дитя растить.

Анна оторвала наконец взгляд от недвижимого, растерзанного тела Захара и, повернувшись к сердобольной женщине, спросила:

– Кто же содеял такое?

Губы ее дрожали, и голос самой показался чужим.

– Кто ж теперь знает, что за ирод такой! – воскликнула женщина. – Я как раз на площадь вывернула, а он, муж твой... Ведь муж он тебе?

Анна кивнула.

– Ох, горюшко ты горькое! Так вот, он как раз посередке и шел. И вдруг всадники – три человека, али четыре. Тот, который первым ехал, сшиб его, а остальные конями потоптали.

– Неужто нарочно! – вскричала Анна, не в силах поверить в подобную жестокость.

– Надо думать, что нарочно, – тяжело вздохнула женщина.

– Что ж они за ироды! – запричитала Анна. Ребенок у нее на руках проснулся и огласил площадь громким криком. Мать поспешила успокоить его и потому волей-неволей отвлеклась на некоторое время от горьких своих мыслей.

Захара перенесли в дом. Хорошо, нашлись добрые люди, помогли вдовице. Прасковья – та самая женщина, что успокаивала Анну на площади, взяла на себя все хлопоты, связанные с предстоящими похоронами.

Анна пребывала в каком-то странном полусне. Как будто все случившееся произошло вовсе не с ней, а с какой-то другой, едва знакомой ей женщиной. И лишь когда скромная похоронная процессия вышла за ворота ее бедного дома, Анна словно очнулась и поняла весь ужас происходящего.

Захара погребли спешно. Народа, желающего проститься с покойным, было немного, да и последние, предвесенние морозы давали о себе знать. Анна не чувствовала холода, хотя одежда ее была донельзя изношена, и ветер пробирался за шиворот, стремясь заморозить бедную женщину.

После похорон потянулись пустые, тяжкие дни. Анна осталась вовсе без гроша – последние ушли на похороны, а тех скромных припасов, что были в доме, надолго хватить не могло.

К стенам покосившейся избенки подступал голод, и Анна не знала, что ей делать. Куда она пойдет с малым дитем на руках, где съест хлеба? Только одно и оставалось – идти по миру, просить у добрых людей на пропитание. Была еще у Анны тетка, но той кланяться – нож острый. Совсем уж выжила из ума старуха, скупа стала и бранчива. У такой хуже с голоду помрешь!

Женщина совсем уж было пала духом. «Что ж, придется побираться! – думала она. – На свете белом много добрых людей – авось не пропаду!» Но как только представляла Анна, что придется ей бродить целыми днями под порывами холодного пронзительного ветра с младенцем-сыном на руках, все каменело у нее внутри. Быть может, лучше голодной смертью умереть, чем так мучиться!

В один из дней, когда отчаяние Анны достигло всей своей глубины, возле ворот дома ее послышались возбужденные вскрики детворы и скрип полозьев. Вскоре раздался стук в дверь. Анна поспешила отворить и увидела перед собой богато одетого человека, немолодого уже, с проседью в густой бороде.

Анна попятилась, не зная, что и ожидать от незваного гостя.

– Ну, здравствуй, красавица, – пробасил тот.

Анна поклонилась. Не зная, как приветствовать гостя, она стояла молча и смотрела на него во все глаза.

– Али не признала меня? – усмехнулся гость.

– Нет, господин, не признала! – непослушными губами пролепетала Анна.

– А я вот приехал крестника проведать!

– Какого крестника? – удивилась Анна.

– Как какого? Михаила Захаровича. Здоров ли он?

Анна долгое время никак не могла понять, как этот богатый человек мог оказаться крестным ее бедному сыну. Наконец, взглядевшись в лицо гостя, она признала в нем путника, заночевавшего у нее в доме в ночь, когда она рожала.

– Ах, батюшки! – всплеснула Анна руками и чуть не лишилась чувств.

– Ну что ты, красавица?! Чего напугалась-то? Я не кусаюсь! – усмехнулся Василий и, пройдя на середину комнаты, уселся на лавку.

– Ну, рассказывай, как житье-бытье? Муженька твоего не вижу что-то?

Анна не смогла вымолвить ни слова, лишь скорбно помотала головой.

– Как так? – удивился Василий. – А где ж он?

– А нету боле у меня мужа! – ответила Анна и залилась слезами. – Конями его затоптали, уж две недели, как я вдовицей осталась.

– Вот горе-то горькое! – пробурчал Василий, нахмутив брови. – Приехал крестника проведать, а попал чуть ли не на поминки. Как же ты одна-то теперь, с дитем малым? – участливо спросил он.

– Не знаю, что и делать, батюшка! – сквозь слезы ответила Анна. – Дума эта горькая не оставляет меня ни днем, ни ночью!

– Ты, вот что, не плачь, красавица! Однажды вы мне в помощи не отказали, от подлой смерти уберегли, теперь и я тебе с голоду помереть не дам. Возьму я тебя к себе в терем, да определю место получше – ни в чем нуждаться не будешь. Согласна ли?

– Так я ж с дитем! – всхлипнула Анна. – Какой во мне прок?

– Ну, об этом ты не думай. Я все устрою...

– А дом как же? А хозяйство?

– Так уж велико твое хозяйство? – усмехнулся Василий. – Собери пожитки, а к вечеру за тобой мой холоп заедет.

– Спасибо тебе, господин! – упав на колени, Анна попыталась поцеловать носок Василиного сапога, но тот отшатнулся.

– Не надо, красавица. То, что я для тебя делаю – лишь отплата за ту доброту, что я в вас нашел. Так что благодарить тебе меня не за что. Теперь уйду я, а ты за сборы принимайся!

С этими словами Василий вышел из дому, и вскоре Анна услышала скрип полозьев и удаляющийся перезвон колокольчика.

К вечеру за ней и впрямь приехал боярский холоп на хороших санях. Все соседки высыпали на улицу, не глядя на трескучий мороз, провожали Анну. У той глаза были на мокром месте – эти люди жалели ее, делились с ней последним куском хлеба, а теперь она покидала их для лучшей доли. От этой думы и грустно, и сладко было, и слезы наворачивались на глаза.

Игнат, кучер Василия Дмитриевича, покидал наскоро немудрящие пожитки Анны в сани, помог сесть ей самой, лихо взмахнул кнутом... Полетела, взвихрилась снежная пыль, запорошила глаза кумушкам-соседкам, и сани тронулись, увозя Анну в новую жизнь. Была уготовлена ей высокая честь – стать кормилицей при боярской внученьке!

Непросто далось Василию решение это. Марфа заподозрила что-то и заупрямилась, не восхотела кормилицу менять.

– Чем тебе Катерина плоха? – спросила холодно. – Молока у нее вдоволь, девка здоровая. Да и не мужское это дело, в такие дела мешаться.

– Верно говоришь, – сдвинул брови Василий. – Да только примечать я начал – прикладывается твоя Катерина к зеленому вину. Нешто хорошо это?

– Это дурно, – раздумчиво сказала Марфа. – Да только где ж ей замену сыскать?

– Я уж сыскал, – бросил Василий и двинулся к выходу.

– погоди, Василий, – остановила его Марфа, и голос ее был непривычно сладок. – Где ж ты сыскал ее?

– Лекаря попросил, того, что дочь нашу пользовал, – не оборачиваясь, молвил Василий. – Он и нашел ее. Баба хорошая, чисто ходит и себя блюдет. Недавно овдовела. Возьмем ее к нам в терем и с дитем ее.

– Ну, что ж... – начала было Марфа, но Василий уже ушел, со всей силы хлопнув дверью.

Вечером того же дня ни в чем не повинная Катерина, рыдая, как белуга, покинула кров боярина Василия. А сам Василий с полудня места себе не находил, все по окнам шастал – не едет ли любушка его?

Сумерки сгустились уже, когда распахнулись ворота, больно дрогнуло сердце Василия. Приехала, радость, приехала, долгожданная! Кинулся бы навстречу, да нельзя – не по чину

боярину перед простой бабой пластаться. Силой удержал себя на месте, дождался, пока не закрипели ступени, и не вошел слуга.

– Кормилица новая приехала, хозяин, – доложил он.

– Что ж, добро, – вздохнул Василий. – Вели натопить баню, да призови госпожу ко мне. Пусть кормилица тоже поднимется сюда.

Анна стояла посреди палаты ни жива, ни мертва – не ожидала она, что так богато живет крестный отец ее сыночка. Но спокойный взгляд Василия, его ласковая улыбка ободрили ее.

И хозяйка встретила приветливо – дородная, красивая еще женщина, видать, строгая и хозяйственная.

– Вот, Марфа, кормилица нашей Настеньке, – строго сказал Василий, обращая взгляд на Марфу, и понял – приглянулась жене кормилица. Несмотря на полуголодную жизнь, Анна выглядела здоровой и крепкой, а грудь ее могла выкормить богатырей.

– Ну что ж, – спокойно усмехнулась Марфа. – Как звать-то тебя?

– Анна... – потупившись, пролепетала та.

– Не дрожи, Анна, обижать тебя не станем. Будешь ласкова с нашей Настенькой – и мы к тебе ласковы будем. Как сыночка-то твоего звать?

– Михайлой... – тихо отвечала Анна.

– И ему поможем, как в возраст войдет. Служи усердно, а уж я тебя не забуду. Теперь пойдем, я тебе твои покои покажу, а потом в баню пойдешь.

Женщины ушли, и у Василия камень упал с сердца. Приняла Аннушку постылая жена, не заподозрила дурного... Будет она теперь жить подле него, каждый день можно будет любоваться на красу ее несказанную, говорить с ней безбоязненно – кто помешает деду говорить с внучкиной кормилицей? А как вскормит она Настеньку...

И тонули в сладком синем тумане думы Василия, представлялось ему запрокинутое лицо Анны на ложе, неизведанные еще красоты ее белого тела... Никогда, даже по молодости не кипела так кровь у боярина Шорина, никогда не случалось ему испытывать такую радость и тоску.

Радостно было и Анне. Все, словно в сказке, ей-богу! Поселили ее в лучшей палате, и всего давали вдоволь – и платья появились у нее, каких сроду не нашивала, да и не надеялась носить, и Мишеньку разрядили, словно княжеское дитя. Кушанье давали лучшее, прямо с боярского стола и сама хозяйка, приходя понянчиться с внучкой, спрашивала все время – не надо ли Анне чего, не имеет ли желанья какого? Дворня на цыпочках ходит, боится чем-либо огорчить кормилицу.

И от достатка, так неожиданно пришедшего к ней, всю жизнь проведенной в нужде, исполнилось ее сердце благодарности и нежности к этому большому угрюмому человеку – Василию Петровичу, милостивцу и покровителю. Это ж надо – не забыл он своего случайного крестника, не забыл и доброты покойного Захара, впустившего его в дом.

Анна и помыслить не могла о том, что вспылал к ней покровитель ее любовной страстью. Не раз и не два ловила на себе нежный взгляд Василия – но чистая ее душа не понимала, что он значит. Всю ее любовь забрали сын и маленькая Настенька, которая на глазах крепчала от здорового Аннушкиного молока.

Мир и благоденствие наступили в тереме боярина Шорина. Даже вечно всем недовольная Марфа была спокойна – Василий стал чаще заглядывать к внучке, подолгу сидел в ее палате. И не знала хозяйка, что не к Настеньке Василий ходит – к кормилке ее! Впрочем, Василий Петрович, неожиданно для себя, стал привязываться к девочке, видя ее на руках у своей зазнобы...

Анна же по-прежнему ничего не замечала. Она справно ухаживала за Настенькой, жалела ее, как родную дочь – ведь круглой сиротой осталась кроха неразумная, и некому ее пригреть в этом мире...

ГЛАВА 5

Время шло. Младенцы подрастали, а Василий все еще ходил кругами, не зная, как подступиться к разлюбленной своей Анне. Никогда прежде не одолевала его такая робость. Каждый день просыпался он с мыслью о том, что нынче во что бы то ни стало поговорит с Анной. Поднимался по лестнице, повторяя про себя давно затверженные слова, входил в палату. Но при одном взгляде на Анну вся смелость его улетучивалась.

Неловок и неуклюж становился сановитый боярин, не знал, куда деть руки. Он садился на лавку и неотрывно наблюдал за своей зазновой, хлопотавшей вокруг младенцев.

Поначалу Анна сторонилась Василия, побаивалась – уж больно угрюм был крестный. Но со временем она привыкла к его приходам и уж не робела – находились у нее для хозяина и шутка, и ласковый взгляд.

Вот и в этот раз зашел Василий в светлую горницу, сел тихо на широкую лавку и принялся во все глаза смотреть на свою зазнову.

Анна как раз кормила младенцев. Молока у ней и раньше было вдоволь, а уж теперь от сытой да покойной жизни стало столько, что и третьего младенца выкормить в пору.

Василий не мог отвести глаз от представшей пред ним картины. Двое бутузов жадно причмокивали возле пышной белой груди Анны, и не было для боярина зрелища упоительнее. Жгучая волна поздней непрощенной страсти поднималась в нем, грозясь разметать последние крохи разума.

Анна закончила кормить детей, быстро перепеленала их.

– Внученьку поддержать хотите, господин? – лукаво спросила она, обращаясь к Василию.

Сначала Василий хотел отказаться. Он не любил маленьких детей и что делать с ними, совершенно не знал. Но, сам до конца не понимая, что делает, он протянул руки и взял ребенка.

Девочка уже заметно подросла. В ее больших глазах даже начало появляться уже вполне осмысленное выражение. Некоторое время Настя смотрела на Василия, лежала тихо и спокойно. А потом вдруг личико ее сморщилось, и раздался оглушительный детский рев.

Василий испугался и от испуга чуть не выронил дитяtko на пол, но вовремя спохватился.

– Забери ее от меня! – взмолился он, обращаясь к Анне.

– Сейчас, сейчас, господин. Потерпите минуточку! Я только Мишутку перепеленаю!

– Что делать-то с ней? – вопрошал Василий, понятия не имеющий, как поступать с орущими младенцами.

– Успокойте ее, господин, – деловито сказала Анна, споро пеленая младенца.

– Как? – воскликнул Василий. – Как успокаивают младенцев, он не знал.

Анна взглянула на боярина, и ее разобрал смех. Василий крепко прижал ребенка к себе и уговаривал ее громким грозным голосом:

– Не плачь! Говорю тебе, не плачь, глупая!

На лице Василия застыла гримаса ужаса.

– Чтобы дите успокоилось, его качать надобно! – подсказала Анна.

Василий внял совету и начал раскачивать внучку, да так рьяно, что Анна испугалась, как бы у ребеночка голова не закружилась.

Но Насте такой оборот событий пришелся явно по вкусу. Она затихла, а когда Василий осмелился посмотреть внучке в лицо, увидел, что она улыбается.

– Ну вот, господин, я и управилась, давайте сюда дитяtko! – сказала Анна, подходя к Василию.

Тот еще какое-то время любовался на внучку, а потом нехотя отдал ребенка Анне.

– Ты смотри-ка! Дитяtko-то улыбается! – воскликнула кормилица. – Видать, по душе ей пришлась дедова забота!

Василий смутился. Вместе с тем, его одолевала непонятная гордость. Ребенок, затихший на его руках, принес в душу успокоение и щемящую нежность в сердце. И растопило тепло этой нежности лед – решился боярин заговорить о своем страдании.

– Аннушка, – хрипло сказал Василий. – Мне поговорить с тобою надобно.

Кормилица мгновенно посерьезнела, подумав, что хозяин хочет ее за что-то выбрать. Никаких провинностей она за собой не помнила, но мало ли, что могло случиться! В боярском тереме она, простая мужичка, первое время не знала, как и шагу-то ступить, чтоб оплошности какой не сделать.

– Что случилось, господин? – робко спросила Анна, видя, что Василий словно и не знает, что сказать. – Али провинилась чем? Али не угодила?

– Нет, что ты? – взмахнул рукою Василий. – Все, что касемо детей, исполняешь ты справно! Я о другом поговорить хотел...

– Так что ж тогда, господин?

Василий отер со лба выступивший пот и, как в омут кинулся:

– Люба ты мне, Аннушка! Так в сердце запала, что и днем, и ночью о тебе лишь думаю! И не думал, что под старость лет такая напасть со мною приключиться, а вот поди ж ты – полюбил тебя, как юнец какой, и нету мне без тебя жизни!

Аннушка от неожиданности да от страха онемела вовсе.

– Ну что ж ты молчишь? – горько сказал Василий. – Коли не мил, так скажи, своевольничать не стану – не те уж мои годы...

Василий перевел дух.

– Ну не молчи, скажи хоть что-нибудь! Хоть разбрани!

И вдруг Василий заплакал. Отродясь не помнил за собой такой слабости. Последний раз плакал еще мальчонкой, когда ногу об острый камень разбил – боль была нестерпимою. Отец-покойник выругал его тогда, сказал, что мужику плакать не должно. Все он должен терпеть – и боль великую и муки страшные, а слезы – удел бабьих. С тех пор Василий ни единой слезинки не проронил. Даже когда дочь любимую в последний ее путь провожал и то не плакал, а тут на тебе!

– Что вы, что вы, господин! Как можно вам любить меня?! Я же мужичка, холопка ваша! При вашем достатке да знатности...

– Что мне в моей знатности, да в достатке, когда тебя рядом нет?! – выдохнул Василий, утирая непривычные скупые слезы.

Анна осмелела, подняла белую свою руку, с которой сошли уж мозоли от прежней суровой жизни оставшиеся, и погладила Василия по голове.

– Грешно это! – сказала она раздумчиво. – Ведь жена у вас живая-здоровая! Как же я ей в глаза-то смотреть буду?

– А ты о Марфе не беспокойся! – с неистребимой злостью в голосе сказал Василий. – За те годы долгие, что прожил я с ней, ни одного слова ласкового она мне не сказала, ни разу нежности от нее какой, ласки я не видел – опротивела она мне, хуже смерти надоела.

– Что говорите такое! – воскликнула Анна. – Она же жена вам, в святой церкви венчанная. Дитяtko она вам родила ненаглядное!

– Давно уже преступили мы с ней все заповеди церковные, все обеты, при святом венчании друг другу данные! Ненавижу я ее более чем самого злого врага своего!

Василий разгорячился. Дыхание с хрипом вырывалось из его груди, ноздри раздувались, а глаза блестели, словно два угля.

– Что же до дочери моей, Настеньки ненаглядной, то нет ее боле! Вырастет по весне зелена трава на ее могиле! – Василий перевел дыхание, вновь почувствовав, что к горлу его подступает комок. – Никого у меня не осталось на свете белом, кроме тебя, Аннушка!

– Да, полно, полно, господин! – взволнованно сказала Анна. – Разве ж можно из-за меня, мужички простой, так убиваться!

– Зови меня Василием, – устало попросил боярин. – Не господин я тебе – сама ты мне госпожа на веки вечные.

И такая мука была в голосе Василия, что Анне стало нестерпимо жаль его. Она всегда была добра к людям и старалась помогать им, чем могла. Люди платили ей тем же. Теперь от нее требовали жертвы не вещественной, но душевной.

– Скажи хоть слово! – продолжал молить Василий. – Если отказать решила, то признайся, не томи.

– Я не знаю, что и молвить, – тихо призналась Анна. – Дай мне время, боярин, в душе своей разобраться. В голове у меня теперь тридцать три березы, и все в разные стороны клонятся...

– Долго ли думать станешь? – с безысходной тоской в голосе спросил Василий.

– К вечеру дам ответ, – ответила Анна и после мгновенного раздумья добавила. – Коли найду в себе смелости, то твоею стану, а нет, так завтра на рассвете покину терем.

– Куда же пойдешь ты? – испуганно спросил Василий.

– А куда глаза глядят – Русь велика!

– Пропадешь, с ребенком-то! – простонал Василий.

– Свет не без добрых людей... Да ты погоди, я ж ответа еще не давала...

На том разговор и кончился. Василий вышел из горницы покачиваясь, лицо его было бледно. Марфа, столкнувшись с мужем в нижней палате, подумала, что супруг ее хмелен. Она привычно поджала губы, отчего Василий чуть было не запустил в нее резной скамеечкой, стоявшей возле окна.

Марфа, будто разгадав его помыслы, быстро юркнула в дверь.

– Это надо ж, до чего дошел на старости-то лет! С утра зелено вино алкать! Креста на нем, ироде, нету! – пробормотала Марфа сквозь зубы и направилась в светелку, внучку проведать.

До вечера Василий места себе не находил. Давно уж не овладевали им такие сильные чувства. Что будет, если Анна ему откажет? Как жить он станет, ежели покинет она его дом? Уйдет, оставит его один на один с его любовью и тоскою! Ради чего тогда жить? Как бедовать отпущенные годы?

Анну тоже глодали сомнения. Не порадовала ее господская любовь, которая, говорят, хуже гнева. Грех ведь великий – при живой-то жене с ее мужем сладиться!

Однако ж еще более пугала ее мысль, что коли откажет она Василию, придется ей собираться в путь-дороженьку. Хоть и крепилась она пред Василием, говоря, что, мол, свет не без добрых людей, а все равно боязно было после привольной и сытной жизни уходить по миру – да не одной, с такой обузой на руках!

Близость же с боярином сулила блага неисчислимые, о которых Анна и помыслить не смела, да и не мыслила. Одно только знала она – хоть и страшно, и грешно – а люб ей боярин, хоть и немолод он, хоть и нравом крут. Она одна разглядела в нем доброту, которой он показывать не хотел. Ишь, как с Настенькой нянчился! Да вот и Настенька – не видала отца-матери, а тут еще и кормилка ее бросит...

К вечеру Анна находилась в полном смятении чувств. Видно, некуда деваться – придется ответить боярину согласием. Да что люди скажут? Ведь ничего не утаишь в тереме, сразу вся челядь пронюхает, и понесутся слухи... А что скажет законная жена, как проводит, что ее супруг с мужичкой снюхался? Ох, маятно, тошно на душе...

Сумерки тем временем окутали терем и мягко затемнили окно. Анна возилась с детьми, а сама чутко прислушивалась, ожидая тяжелой поступи Василия. Пару раз ей показалось, что он идет, и Анна замирала, как соляной столб, не в силах двинуть ни рукой, ни ногой.

Младенцам как будто передалось ее волнение, и они разнюнились, расплакались, да так, что Анне никак не удавалось их уговорить.

За детским криком Анна не расслышала, как дверь горницы открылась, вошел Василий. Страшен был облик его – бледный, с запавшими глазами, казался боярин приговоренным к неминуемой смерти.

Увидев, что творится в горнице, услышав истошные детские крики, Василий хотел было первым делом выскочить за дверь и там переждать, пока Анна детей не успокоит. Но потом он заметил, как трясутся Аннины руки, как дрожат ее губы, и понял, что она вот-вот заплачет.

Василий, не долго думая, схватил Настеньку и начал укачивать ее подобно тому, как делал это утром. Ребенок мгновенно замолчал и устался на деда. Вскоре рот Настеньки растянулся в лукавой улыбке, и она загулила, пытаясь выпростать ручку из пеленок. Это ей удалось, и Настя, что есть силы, вцепилась в дедову бороду. Василий чуть не взвыл от боли и постарался отцепить ручонку. Да не на ту напал – крепко вцепилась девчурка в новую няньку!

Мишутка тем временем продолжал плакать. Анна тщетно пыталась успокоить его, сама чуть не плача. Василий, которому удалось освободить свою бороду от цепких ручонки, передал Анне Настю и, взяв у нее Мишутку, снова начал качать. Как ни странно, ребенок сразу же, как по волшебству, умолк.

– Ох, спасибо, пособил! – устало сказала Анна, когда оба малыша были уложены в люльки и продолжали гулить там, словно делясь друг с другом впечатлениями. Настя, должно быть, поведала о чудной дедовой бороде, а Мишутка о том, как понравилось ему качаться на больших и сильных руках.

– Да не за что, – угрюмо ответил Василий. Им снова овладела робость, и страх из-за того, что Анна может ему отказать, прокрался в его сердце. – Я за ответом пришел, – добавил Василий, переминаясь с ноги на ногу.

– Знаю, зачем ты пришел, – ответила Анна, пытаясь спрятать от Василия глаза.

– Ну и каков твой ответ будет? – с дрожью в голосе спросил Василий. Он подошел к Анне и осторожно приподнял ее лицо так, чтобы можно было посмотреть в глаза.

– Коли тебе нужна такая глупая баба, как я... Коли решил ты, что мужичка тебе милей боярыни...

Голос Анны прервался, и по щекам ее заструились слезы.

– Не томи! – с тоскою в голосе молвил Василий.

– Так вот... Коли нужна тебе такая... Бери меня, Василий!

Боярин застыл на месте. Когда же до него дошел смысл сказанного, невыразимое облегчение пришло к нему. Словно тяжелый камень, да что там камень – валун стопудовый, свалился с его сердца.

– Слава Богу! – только и мог вымолвить он. – Я уж было подумал, что откажешь ты мне!

– Кабы в силах была, так отказала бы! Да, видать, судьба моя такая...

Договорить Анне Василий не дал. Он подошел к ней, обнял так, что косточки хрустнули, а потом впился в губы горячим грубоватым поцелуем, в который вложил всю свою любовь и страсть.

ГЛАВА 6

В ту же ночь пришел Василий к Анне, да так и остался до первых петухов. Не мог он оторваться от белого пышного тела. Сам не понимал, что с ним творится. Стольких баб на своем веку перевидал, а такого с ним сроду не случалось. Каждый раз любил он Анну, словно в последний раз.

И потекла жизнь счастливая. Василий нарадоваться на свою Аннушку не мог. Осыпал ее милостями, одевал, обувал. Да только молодуха, чтоб подозрения не возникли, особенно-то щедротами боярскими не пользовалась. Неудобно ей было в глаза людям лезть.

Несмотря на то, что Василий особо не таился и страсти своей к Анне не скрывал, никто из слуг, да и сама Марфа, ни о чем вроде бы не догадывались. Хозяйка заметила, правда, что Василий стал совсем уж редко заглядывать в опочивальню, но решила, что он снова зазнобу на стороне нашел, и вздохнула с облегчением.

А Анна тем временем расцвела. Она и прежде была красавицей, сейчас же от любви боярской, от ласки, от довольства стала такой красавицей, что глаз отвести нельзя. Марфа смотрела на кормилицу и удивлялась.

– Надо же, до чего некоторых баб материнство красит! – говорила она однажды девке, которая ей во всем прислуживала. – Я, вот, помнится, подурнела, опроставшись. Волосы клочками лезли, зубы болели... А Анютка-то павой ходит!

– Это, госпожа, оттого, что она мальчика народила – мальчишки бабе всегда впрок идут. А вы девочкой разрешились, девка у матери завсегда всю красоту забирает! – заявила служанка.

Однако сама она стала приглядываться к Анне – мальчик-то мальчиком, да что-то позновато кормилица хорошеть начала. Мальцу-то уж полгода скоро!

Василий же все чаще стал задумываться над тем, что скоро Настенька подрастет и кормилица ей не нужна станет. Что тогда Анна делать будет? Можно было бы оставить ее в няньках, так ведь все время дети рядом крутиться будут и днем, и ночью... Нехорошо это. И простой прислужницей делать ее не годиться – она-то, может, и согласилась бы, да не потерпит этого Василий!

Оттого задумал он найти для Анны местечко получше и после некоторых сомнений решил поставить ее ключницей. Был, правда, у них ключник – Ефим. По чести сказать, ни разу он ни в чем не провинился. Но ради зазнобы чего только не сделаешь! Вот и решил Василий ключника под монастырь подвести, а вместо него Анну поставить. Оно бы можно было и просто его погнать – разве ж не господин Василий в тереме своем – да Марфе это покажется странным, заподозрит она неладное. Боярину-то все равно – пусть бесится ведьма! Да только Аннушка плакала-молила – не подвести ее, не открывать тайного...

Дурное дело нехитрое. Как-то зашел Василий в каморку ключника и, пока его там не было, переправил циферки в книжице, куда все припасы да все доходы с расходами прилежным Ефимом занесены были.

Конечно, ключник ничего не заметил. Еще не раз залезал Василий в книги и под конец года сумма, якобы Ефимом у хозяев украденная, была уже довольно велика.

Василий ждал. Младенцы подрастали. Они уже начинали ходить, переступая пухлыми неуклюжими ножонками, и весело гулили. Настенька, вслед за Михайлой, называла Аннушку мамой... Услуги кормилицы стали почти уже не нужны, и она все более заменяла Настеньке няньку. Однако ж Марфа желала сама заниматься со своей внучкой, а потому оставалась Анна не у дел.

Василий понял, что настало время действовать. Однажды он вызвал к себе Ефима.

– Ну что, пришло время книги проверить, – сказал он ключнику, когда тот предстал перед хозяином.

Такое случалось и раньше, поэтому Ефим несколько не удивился и покорно поплелся за книгой. Вернувшись, он с поклоном вручил ее Василию и тот углубился в подсчеты. У ключника совесть была чиста, и он топтался рядом – скучал, позевывал.

– Не стой над душой! – прикрикнул на него Василий. – Сядь вон на лавку.

Ефим примостился на краешке лавки и терпеливо ждал.

– Это что такое! – вдруг вскричал Василий.

– Что не так, господин? – мгновенно подскочил к нему ключник.

– Ты еще спрашивать смеешь, что не так? – громче прежнего возопил боярин. – Али за дурака меня держишь? Цифири-то не сходятся!

– Как не сходятся? – побелевшими губами пролепетал Ефим.

– Должны сходиться!

– Я знаю, что должны! Но по всему выходит, что ты меня обокрал, смерд!

– Помилуй, господин! – воскликнул несчастный Ефим, ваясь на колени. – Никогда ни копейки из твоей казны я не утаивал! За что напраслину возводишь?!

– Что ж я, по-твоему к клевете способен? – впал в ярость Василий. – Ты что, смерд, меня обвинить хочешь?

– Как могу я, господин?! Я... я только...

– Иди, считай сам, смерд неблагодарный!

Ефим уткнулся в книгу. На глаза его набегали слезы, и циферки сливались вместе. Так и есть – денег не хватало, причем много не хватало, таких денег у Ефима и не водилось отродясь.

– Как же так! – чуть не заплакал он. – Как такое случиться могло?

– Вот и я тебя о том спрашиваю! – вскричал Василий. – Давно ль воровать научился, смерд?

Ефим молчал. Что сказать, когда сам он своими глазами видит, что цифры ни в какую не сходятся! Ключник вновь склонился над книгой, пересчитывая все сызнова, будто это могло что-то изменить.

Тем временем, крик мужний услышав, вошла в палату Марфа.

– Что такое? – холодно осведомилась она.

– Не бабье дело, уходи, – отрезал Василий, но затем подумал, что лучше будет при Марфе ключника срамить, чтоб своими глазами видела.

– Как я погляжу, все, что в этом доме происходит – не мое дело, – ледяным тоном сказала Марфа и презрительно поджала губы.

– Ключник наш проворовался, – буркнул Василий, будто бы сменив гнев на милость.

– Как? Ефим?! – удивленно переспросила Марфа. – Быть того не может!

– Я тоже сначала глазам своим не поверил. Да цифири-то не обманут! Ежели им верить, обкрадывал он нас давно уже, ирод треклятый!

– Это правда, Ефим? – обратилась Марфа к ключнику, все еще не желая поверить в случившееся.

– Правда, госпожа, что в книгах недочет! Но Богом клянусь, что не брал я денег! Не брал! – на глазах ключника вновь выступили слезы. – Сколько лет я вам верою и правдою служил! Ни гроша не уворовал, а о таких деньгах даже и помыслить не мог!

– Может, ошибся ты, Ефим, при подсчетах? Сам себя обманул, а заодно и хозяев своих? – вопросила Марфа.

– Так ведь сроду за мной такого не было... – вздохнул Ефим.

– Немолод ты уже, Ефим – ум уж не так остр, как прежде, – поддакнула Марфа. – Не сердчай на него, Василий! Не наказывай слугу верного!

– Эх, Ефим, Ефим! – вздохнул Василий. – Бог видит, что о лучшем ключнике я и помыслить не мог, но, верно, и в самом деле стар ты стал для своей должности. Наказывать я тебя не стану, но и ключником тебе более уж не быть. Доживай свою старость в тепле, да в покое – внуков нянчай.

Ефим вздохнул с облегчением. Давно уж собирался на покой уйти, да не знал, как с хозяином разговор завести...

– Иди, Ефим. Сегодня еще свои обязанности выполняй, а уж когда нового ключника назначу, ему все передай.

Ключник поклонился – низко, до земли и, пятась, исчез за дверью.

– Кого ж ты вместо него поставишь? – тревожась, спросила Марфа, оставшись с супругом наедине.

– Не знаю еще... Может, у тебя есть кто на примете?

– Много у нас слуг, да те, в чьей верности и честности я уверена, уж в возрасте, – отвечала Марфа. – Разве, только Анна...

– Какая Анна? – деланно удивился Василий.

– Кормилица Настенькина. Я давно за ней наблюдаю – баба она умная, честная, да и грамоте, и счету обучена...

– Так она ж детьми занята! – воскликнул Василий. – Когда ж ей еще и с хозяйством управляться?

– Эхма! Вспомнил! Детям уж скоро год будет! – воскликнула Марфа. – Хотела я с Настенькой сама заниматься, да чувствую, что стара стала целый день за ребенком глядеть, так что все равно няньку возьму. Заодно и за Мишуткой приглядит.

Василий словно призадумался – нахмурил брови.

– А справится Анютка-то? – наконец спросил он.

– Бабенка она хваткая, сразу видно. А не справится – найдем кого другого.

– Ладно, послушаю я тебя... На сей раз... – пробурчал Василий. В душе он ликовал, что все так складно получилось, но лицо его оставалось угрюмым.

Так и стала Анна ключницей. Что и говорить, обязанностей у нее прибавилось и, первое время у нее ум за разум заходил.

Очень Анне помог Ефим. Он объяснял ей, как учитывать разнообразное хозяйское добро, как заносить в книгу прибыль и убытки и еще многому из того, о чем Анна ранее не ведала.

Постепенно Анна привыкла к своему новому положению, и ей оно даже начало нравиться. Слуги и раньше относились к ней с уважением, а теперь так и вовсе стали чуть ли не как с хозяйкой с ней обращаться – то ли приметили, что Василий к новой ключнице неровно дышит, а может и вправду полюбили. Добра была Анна, справедлива, грубого слова от нее никто не слышал...

И на детей не могли нарадоваться в тереме. Незаметно как-то выросли они – Настенька стала глазастой девчонкой, похожей на покойную мать и лицом, и нравом. Хохотунья, непоседа – иной раз стонал от ее шалостей старый терем.

– Ой-ой, что за внучка у меня растет! – стонал, бывало, Василий. – Беда мне с ней будет!

Бывало, расшалиться Настенька, сладу с ней никакого нет. Только Михаил мог уговорить ее – хоть и ровесники они были, а раздумчивей был мальчик, спокойней и степенней. Как с равной рос он рядом с Настенькой и говорил с ней, как с равной, а иной раз и свысока бранил за проказы.

Марфа по-прежнему много занималась с детьми, но за последнее время она сильно сдала. «Видно, покойная дочь все здоровье ее в могилу унесла», – шептала челядь. Все чаще и чаще госпожа проводила в постели целые дни, жаловалась то на голову, то на живот, а что у нее болит на самом деле – и сама не знала.

А Василий был счастлив с Анною. Кроме нее никого не нужно ему было на свете белом. Каждый день благодарил боярин Бога, за то, что послал он ему такое счастье на закате дней.

Марфа о связи своего мужа с ключницей по-прежнему не догадывалась. Да, если признаться, ей и гадать-то не хотелось о том, где супруг ее по ночам пропадает, да с кем хороводится. Чувала боярыня, что недолго ей уж по земле ходить, что скоро отправится она в путь далекий, невозвратный. «Скоро, доченька, приду я к тебе!» – шептала она в темноту опочивальни. И горько становилось Марфе от мысли, что не станет ее, а жизнь будет продолжаться, что без нее вырастет внученька, заневестится...

Три года прошло с тех пор, как заманил Василий Анну к себе в терем. Три года не знала она горя-беды, да та, оказывается, за порогом поджидала. Стала Анна замечать, что неладно с ней что-то. Ей, одного ребеночка уже родившей, гадать долго не пришлось – поняла Анна, что тяжела.

Тут-то и накатила на нее тоска. Что делать? Как быть? Пройдет совсем немного времени и слуги примечать начнут, что ключница как на дрожжах пухнет, да все с одного места. И до Марфы слух дойдет! Придется тогда ответ держать. Хозяйка к ней благоволит, начнет выспрашивать, кто виновник тому, захочет поженить... А что ей Анна скажет, как повинится?

Еле дождалась Анна ночи, когда пришел к ней Василий – встретила его, дрожа, обняла холодными руками, приникла...

– Что с тобой, Аннушка? Аль соскучилась так по мне? А может, захворала ты? Скажи, не таись...

– Захворала... – отвечала Анна, опуская глаза.

– Так может лекаря позвать? Ах ты, господи, руки-то у тебя холодные, и бледна ты...

– Не надо лекаря, – тихонько отвечала Анна, присаживаясь на край ложа. – Обычная эта хворь, как у всех баб... Скоро уж не лекаря, а бабку-повитуху звать придется!

Хоть и шутила Анна, а внутри все дрожало у нее – что-то ответит ей боярин? Может, выберит, да и погонит из терема, как паршивую собачонку?

Но Василий не бранился, да и ничего не говорил – стоял, опустив руки, взор опустел. Не ждал он такой вести, что и говорить. С Марфой сколько лет жил – и не было у них после Настеньки детей, не дал Бог. Да и с Анной вот уж три года... Думал уж, что старость семя выжгла, а тут вона что!

Анна совсем заробела, глядя в странное лицо любовника. Понять не могла – над чем он задумался, чего ждет? Потому заплакала тихонько. Выгонит ее боярин, как есть выгонит! Зачем ему корова брюхатая, когда столько справных девок вокруг? И куда она денется – один на руках, другой под сердцем? Остается только в омут головой...

Анна всхлипнула.

– Милая моя! – из груди Василия вырвался полувздых, и он изо всей силы обнял Анну. Она ожидала чего угодно, только не этого.

– Так ты рад, что ли? – ошеломленно спросила Анна.

– Эх что сказала, дуреха! Да как же не радоваться? После Настеньки не было детей у меня, и я думал, что и не будет никогда! А тут такое счастье!

– Да как же счастье?! – воскликнула женщина. – А коли жена твоя прознает? Что тогда будет?

– Я тебе вот что скажу: хоть и не с тобою я венчан, а с Марфою, но жена мне ты, а не она. С ней я, почитай, полжизни прожил, а жить по-настоящему лишь с тобой начал! Так что все равно мне, что там Марфа поймет, что подумает. Я хозяин в этом доме, мне и решать!

Василий крепко поцеловал Анну, словно подтверждая свои слова.

С тех пор Анна больше не таилась и ходила по терему госпожой. Слуги начали примечать, что полнеет она, и быстро пришли к должному выводу.

Только Марфа по-прежнему ничего не замечала, ни о чем не догадывалась. Все чаще у нее прихватывало сердце, все реже выходила она из своей светелки, куда перебралась из темной супружеской опочивальни.

Лишь внучка поддерживала силы и волю к жизни в слабеющем теле Марфы. Сидя в горнице, наблюдая за тем, как играет с Мишуткой подрастающая Настенька, боярыня словно переносилась на многие годы назад. Казалось ей, что вновь она молода, а лопочущая девчушка – ее дочь.

Может быть, так и прожила бы Марфа до скорого своего конца в неведении, но судьба решила иначе.

ГЛАВА 7

Был вечер. Обыкновенный пасмурный осенний вечер, когда ранние сумерки сливаются с серым дождем и наводят тоску на сердце. Марфа готовилась отойти ко сну. Служанка ее, Стеша, помогла хозяйке раздеться, взбила перину и подушку, поправила постель и остановилась возле двери, ожидая, что еще прикажет госпожа.

– Ох, устала я нынче, – тяжело вздохнула Марфа, опускаясь на постель. – Вот уж, действительно, старость – не радость. Раньше, бывало, весь день по дому хлопочу – и ничего, а теперь по лестнице поднимусь и сердце прихватывает.

– Ничего, госпожа, вот отдохнете и завтра свеженькой встанете, здоровенькой!

– Ты мне, Стешка, сказки-то не сказывай! А то я сама не вижу, в какую развалину превратилась! А я ведь годами еще и не так уж стара... Василий постарше меня будет годков на пять, а по сравнению с ним я старуха!

– Так, госпожа, с молодухой-то в постели он и сам молодеет!

Марфа растерялась. Догадывалась она, что муж завел зазнобу на стороне, да не знала, что всем про то известно.

– Зря не говори, – одернула она служанку. – Ты-то свечку не держала, вот и помалкивай! Но обнаглевшая девка только носом фыркнула.

– Как так – я зря говорю? Да весь терем знает, что господин с ключницей спутался!

– С Анной? – вскричала Марфа. – Да как же это? Да как она посмела! Мужичка! В моем тереме! Да я прикажу гнать ее немедленно! Зови Анну сюда, слышишь? Живо!

– Ой, госпожа... – с сомнением в голосе проговорила Стеша. – Позвать-то я, конечно, позову, да вот только будет ли от того прок?!

– Что ты сказать хочешь, холопка?

– Да то, что супруг ваш не позволит Анну из дому гнать!

– Глупости ты говоришь, Степанида! Муж мой и раньше по бабам таскался – для него под юбку залезть, как иному плюнуть. У него же души нет, он к бабам относится хуже, чем к своей собаке дворовой. Так что, Анну я выгоню, вот тебе крест!

Марфа торжественно перекрестилась.

– Думаю, госпожа, что все же не следует вам этого делать, – снова тихо проговорила Стеша.

– Да что такого будет, если я разгульную девку, которая про честь забыла и хозяйке своей такой черной неблагодарностью отплатила, на улицу гнать прикажу? – возмутилась Марфа.

– Уж не знаю, что и будет, да только чует мое сердце, что добра от этого ждать нечего.

– Так, что-то ты от меня скрываешь, Степанида, что-то не договариваешь, верно ведь? – осведомилась Марфа, а сама почувствовала, как закололо сердце в предчувствии неотвратимой беды.

– Да уж что здесь говорить! – воскликнула служанка. – Что слюбились они – одно дело, да ведомо ли вам, как он к этой мерзавке неблагодарной привязался?

– Ну, доколе я не замечала, чтоб он вообще к кому-нибудь привязывался иль чувства какие питал... Кроме Настеньки, может быть... А что?

– Да то, что брюхата ключница!

– А он, что же? – онемевшими губами спросила Марфа. Голос ее не слушался и вместе со словами из горла вылетали хрипы.

– А он весь так и светится, словно солнышко ясное!

– Господи! За что же ты меня так? – глухо простонала Марфа. – Ведь никому ничего плохого я в жизни своей не делала! За что ж ты меня так наказываешь! Позор-то какой!

Больше ничего Марфа сказать не смогла. Она схватилась за грудь и повалилась на подушки, лицо ее исказилось, глаза вылупились... Хотела сказать что-то, да не ворочался язык, только невнятные стоны рвались из горла.

– Что с вами, госпожа! – тут же с плачем подскочила к Марфе служанка.

– Позови... позови...

– Боярина, али лекаря кликнуть? – не поняла Степанида. – Я сейчас, я мигом, – и она рванулась к двери.

– Постой... – остановил ее прерывающийся шепот. – Поздно... – Марфа облизала пересохшие губы. – Поздно лекаря, и Василия ни к чему... Ее... ее позови... Анну...

Степанида некоторое время стояла в нерешительности, но потом, будто собралась с духом и исчезла за дверью.

Душно было боярыне, страшно. Вот она, смерть, какая! Незаметно подкралась, и не отмахнуться от нее, не отомолиться... Жизнь прожила, а счастья не видала – не узнала мужниной любви, потеряла дочь любимую... И внучку теперь не увидать. Может, так и лучше – хоть не жить при таком позоре!

Скрипнула дверь, в комнату тихонько вошел кто-то. Марфа с трудом повернула голову и в неверном свете свечи узнала Анну. Боль с новой силой принялась терзать ее сердце.

– Госпожа звала меня? – ясным, чистым голосом произнесла Анна.

– Звала... – прохрипела умирающая. – Подойди... ближе...

Только тут Анна разглядела, как бледна хозяйка, с каким трудом дается ей каждое слово...

– Что случилось, госпожа? Не позвать ли лекаря?

– Не надо... лекаря... Скажи мне лучше, как ты жить будешь?

– О чем вы, госпожа? – насторожилась Анна.

– Я умираю... Нет, не надо никого звать на помощь... – добавила Марфа, узрев, что Анна собирается закричать. – Никто мне помочь уже не в силах... Да и не хочу я больше жить... Я тебя спрашиваю, как ты жить дальше собираешься?

Анна непонимающе глядела на хозяйку, инстинктивно прикрывая выпирающий уже живот руками.

– Тяжело тебе будет... – продолжала Марфа, – ведь виновата в моей смерти ты! Помни – ты одна!

Анна тихонько охнула и вцепилась в край стоявшей рядом лавки.

– А ты как думала? Решила, небось, что я как молча жила, так и умру, ни слова тебе не сказав? Нет уж, слушай! Ты с моим мужем слюбилась – на нем этот грех, мужики, они все такие. А вот ты ни о своей, ни о моей чести не подумала. Взяли тебя в дом, ровно путную, а ты вот как! Покарает тебя Господь – и здесь тебе недолго счастливой ходить, и там расплата ждет! Проклинаю тебя, слышишь! У престола божьего молить буду, чтоб наказал он тебя за счастье украденное, которого мне испытать не довелось... Проклинаю!

Анна чувствовала, что силы покидают ее, ноги подкашиваются, что она вот-вот упадет без чувств.

– Как же ты можешь? – вскричала она. – За то, что сама не смогла мужика любовью согреть, меня казнишь? Как только язык твой повернулся подобные слова говорить? Ведь тяжела я, а ты проклинаешь?! На тебя же твое проклятие падет, к тебе возвратится!

– Я уж отстрадала свое, – отвечала Марфа. На лице ее появилась зловещая улыбка. – Проклинаю!

Страшная судорога сотрясла все тело Марфы, и дыхание ее прервалось. Умерла боярыня Марфа, умерла, как и жила – одинокая, обозленная...

Анна словно в полусне вышла из комнаты. Возле двери натолкнулась на Степаниду.

– Что там? – спросила служанка, глядя на Анну огромными глазами, в которых застыл ужас. – Что боярыня?

– Умерла боярыня, – ответила Анна таким голосом, словно говорила о том, какие припасы надобно еще сделать на зиму.

– Ах, батюшки! Да как же это? – всплеснула руками Степанида и завывала в голос. Потом взглянула на безучастное лицо Анны и мгновенно замолкла. Хитрая девка смекнула, что перед нею новая госпожа, хоть с боярином и не венчанная, но оттого не менее властная. А кто ее знает, может она законную-то покойную супругу ненавидит лютой ненавистью и вытье Степанидино ее только еще более разъярит.

– Ну? Что стоишь? – ровным голосом спросила Анна. – Иди за людьми, пусть соберут боярыню в последний путь.

– Хозяину бы сказать должно, – осторожно сказала Степанида.

– Василию я сама скажу, – сказала Анна, словно отрезала, и пошла с высоко поднятой головой, расправив плечи, словно на казнь.

Вскоре весь терем уже знал, что нет больше боярыни Марфы, а появилась госпожа Анна. О переменах, в тереме происходящих, судачили все, начиная от последней посудомойки на кухне и кончая старым конюшим Тимофеем.

Анна же направилась к хозяйской опочивальне, куда Василий обычно приходил под вечер, чтобы дожидаться темноты и того момента, когда можно будет идти к Анне. Женщина робко постучала в дверь.

– Кто там? – откликнулся Василий.

– Это я, Анна... ключница...

– Входи, чего стучишь?

Василий сидел за столом, читал Псалтырь.

– Что-то ты бледна сегодня, Анна, – настороженно произнес Василий, отрываясь от бумаг. – Может, прихворнула?

– Не больна я, Василий. Несчастье случилось, вот и бледна...

– О чем ты говоришь, Анна? Какая беда еще нагрянула? – вставая со стула, осведомился Василий и в голосе его слышался неподдельный испуг.

– Марфа померла, – ответила Анна. – Только что Богу душу отдала.

Василий не изменился в лице, не промелькнуло у него в глазах ни тени печали. Будто бы и не жена его, с которой прожил столько лет, умерла только что, а чужая, едва знакомая женщина.

– Что ж, упокой Господь ее душу, – пробормотал Василий. – Нужно сказать слугам, чтобы к похоронам готовились.

– Я уж сказала, – подала голос Анна.

– Не печалься, Анна! На все Божья воля. Значит, пришел час Марфе с земною жизнью распрощаться... Отчего же ты так печальна, Анна? Ведь главная помеха с нашего пути убрана. Теперь можем мы с тобою жить, ни от кого не скрываясь. Теперь ты действительно госпожа в этом доме и в душе моей!

– Ох, Василий, того ты только не ведаешь, что перед смертью Марфа меня к себе призвала, – со стоном выдавила Анна.

– Зачем еще? – насторожился боярин.

– В смерти своей она меня обвинила и прокляла страшно! – Анна вдруг зарыдала.

Василий поспешил к ней, обнял крепко.

– Ну что ты? Что ты?! Будет... Все это глупости! Какие еще проклятья! За что ей проклинать тебя? Служила ты верою и правдою, внучку вскормила...

– Прознала Марфа про то, что мы с тобой любовники, – все еще рыдая, сказала Анна. Василий выругался сквозь зубы.

– Видать, кто-то ей помог про то прознать, – задумчиво сказал он. – Да уж что теперь по то говорить? Дело сделано. Не плачь Анна – все обойдется...

Анна лишь громче зарыдала и уткнулась лицом в плечо любовника.

ГЛАВА 8

Схоронили Марфу, и с того дня жизнь Анны превратилась в непрерывный кошмар – все ждала она, когда начнет исполняться проклятье, а оно все не исполнялось. Василий посмеивался над глупостью зазнобы, и вскоре Анна и думать забыла про слова покойной госпожи.

Тем временем подходил ей срок разрешиться от бремени. Как зеницу ока берегла Анна чрево, ходила, словно по струночке. Запретил ей Василий поднимать тяжелое, сердиться на челядь, играть с детьми – его бы воля, и вовсе уложил в постель до самых родов. Но не такова была Анна, минутки не могла она без работы посидеть. Когда бранил ее Василий – отмахивалась:

– Я баба здоровая, что со мной станется!

Но человек предполагает, а Бог располагает. Шла как-то Анна по крутой лесенке в поварню – распорядиться насчет ужина, и дошла уж до середины, как услышала сверху крик. Обернулась – а это крошка Настенька летит ей навстречу, захлебывается криком... Решила, видно, догнать свою няньку, да поскользнулась, на ногах не удержалась, и теперь скользит вниз.

Забыв об осторожности, Анна подалась к девочке всем телом и та с размаху ухнула в к ней объятья. Выросла Настенька, что и говорить – не удержалась Анна, навзничь упала на ступени, почувствовав невыносимую, пронизывающую боль в пояснице. Свет померк в глазах, и женщина лишилась чувств.

Очнулась в опочивальне, в своей кровати. Рядом с ней склонилась лекарка.

– Что со мной, Улита? – спросила Анна, дивясь тому, с каким трудом даются ей слова.

– Неужто не помнишь, госпожа? – ласково отвечала лекарка. – С лестницы крутой ты упала, Настеньку спасала. Хвала Господу нашему Иисусу Христу, что жива осталась!

– Отчего ж меня так разломило? Или станова жила у меня подкосилась? – испугалась Анна.

Лекарка помрачнела лицом, но с ответом медлила.

– Что молчишь? – встревожилась Анна. – Ежели плоха я и дни мои сочтены, то так и скажи...

– Что ты, что ты, госпожа! Как только могла подумать такое! Тебе еще жить, да жить! Вот только...

– Договаривай, Улита! Не томи! – воскликнула Анна.

– Разрешилась ты, госпожа ребеночком, мальчиком... – прошептала лекарка. – Да, только мертвеньким он родился...

Как только дошел до Анны смысл сказанного, зарыдала она в голос, забилась, как пойманная птица...

Долго еще хворала она, не хотела вставать из постели. Долго еще убеждал ее Василий, что не станет любить ее меньше, не встанет между ними мертвый младенец. Самому до слез жаль было первого и последнего своего сына, который не успел даже взглянуть на этот белый свет, да что ж делать! Грех сетовать...

А за стенами терема бушевал свирепый мир, и в этом мире подрастал и мужал юный князь Иоанн. Уже придя в осмысленный возраст, он всем сердцем ненавидел Шуйских, почувствовав тягость незаконной опеки.

Часто бывал в гостях у Василия думской советник Феодор Воронцов и доносил отошедшему от дел боярину страшные вести. За чаркой вина наклонялся близко к уху приятеля, шептал, обдавая его запахом редьки, щекоча мокрой бородой:

– Фомка Воронцов, клевет Шуйских, митрополитову мантию на нем изорвал... Бесчинство великое творится при дворе, смуты и козни неисчислимы... Удаляют от государя всех людей, кто для них опасен – кто смелостью, кто разумом, кто усердием к отечеству... Рано,

ох, рано ты отошел от дел, Василий Петрович. Нужен наставник государю, иначе пропадет он, как есть пропадет...

Василий Петрович выпивал чарку, хрустел солеными рыжиками.

– Ну а ты что ж, Федор Семенович? Нешто тоже отступаешься? Ты государю нашему защита и опора, вот и введи его в разум.

– Недолго мне, видно, осталось быть наставником князю. Точат на меня ножи Шуйские, можешь мне поверить!

Василий Петрович только головой качал. Уйдя на покой, он о многом постарался забыть, смуты и козни придворные мало занимали рассудок его. Осталось только честолюбье великое, и оттого, когда Федор Семенович предложил:

– А что, Василий, отдашь воспитанника своего в товарищи молодому князю Иоанну? – Василий Петрович с радостью согласился. Пора было думать о будущем Михаила. Будь опекун его помоложе – уж поборолся бы за место для сына своей последней лады. А теперь уж силушка не та. Так хоть показать мальчонке дорожку, по которой идти надобно – детские-то друзья крепко в сердце западают, авось не оставит князь заботами Михаила!

Анна переполошилась.

– Мал он еще, оставь его, – упрашивала она. – Куда ему на государеву службу?

– Так ведь не на службу, а в товарищи отдаю, – терпеливо толковал ей Василий. – Будет при государе забавы его делить, да так и найдет свою дорогу в жизни.

– Забавы! Ведомы нам те государевы забавы, вся Москва про них говорит. С высокого крыльца кремлевского кидает всякую тварь мелкую – то котят, то щенят. Они мрут, а он радуется. Шуйские его злу научили.

– Да тебе-то откуда сие ведомо? – опешил Василий.

– Что ж я, глухая? Вон к тебе Федор Семенович ходит, так я и слышу ваши разговоры. А если б и не слышала – всей Москве про то известно.

Василий Петрович вздохнул.

– Ты что ж, Аннушка, боишься, что князь нашего Михайлу, как щенка, с крыльца сбросит? Так не зверь он, пойми, просто мальчонка еще. Без матери рос, добра не видел. А появится у него приятель закадычный – авось и отойдет, охолонет сердчишком-то. Твое дело материнское, ты о своем ребенке думаешь, а я еще и о всей России, пойми ты это! А коли этого понять не можешь, так о другом подумай – не век же ты будешь мальчика у своей юбки держать? Рано или поздно, а придется ему на службу идти. – И, припомнив слова Федора, повторил их. – А детские-то друзья крепко в сердце западают!

Анна поплакала и согласилась. Навеки запомнил Михаил тот день, когда его, чисто вымытого, принаряженного, повели в Кремль, к великому князю.

– Ну, какой я ему товарищ? – размышлял Михаил по дороге. – Он, поди, на золотом троне целый день сидит, печатные пряники ест, а я к нему с играми?

И представлялся Иоанн Михайлу прекрасным златовласым отроком, вроде конюшего Андрюшки, только богаче и красивей. Сидит он в роскошной палате, говорит только такое мудреное, что и понять нельзя – он же князь!

Но когда ввели его в огромную мрачную палату, увидел он маленького, злого по виду мальчика, худого и золотушного.

– Поклонись, отрок, – шепнул на ухо кто-то. – Сие есть князь Иоанн.

Михаил помнил всю придворную науку, но поклонился неловко, дернув плечом, и сам испугался. Мальчик же на это внимания не обратил, не осерчал – сразу подбежал к нему.

– Охотиться можешь? – спросил, прямо глядя своими пегими глазами.

– Не берут меня... Говорят, мал еще, – смущенно ответил Михайла.

– Это как так – мал? Ты вон больше меня ростом. А по годам, поди-ка, меньше, так? Я уж с твоих лет на охоту ездил, лис трювил!

– Так ведь ты – князь... – молвил Михаил и сам испугался. Но Иоанну, видать, такой ответ понравился. Он косо улыбнулся, перемялся с ноги на ногу.

– Ну, не беда, я тебе все расскажу. А как поедem на охоту – тебя возьму с собой. Хочешь?

– Очень хочу, – уже смелее сказал Михаил, и князь засмеялся. Смех преобразил его старообразное лицо, и с Михаила слетел последний страх. «Скучно, верно, ему живется» – решил он про себя, сам не зная, почему.

В первый день они долго сидели в уголку полутемной палаты, и Иоанн рассказывал Михаилу про охоту. Говорил он жарко, глаза его блестели, кулаки сжимались. Михаил даже заробел чего-то, глядя на князя.

– А еще я медведей спускаю – людишек пугать, – молвил Иоанн, и Михайла весь сжался. Слышал он про такую княжескую забаву, но не верил, думал – страшная сказка просто. А он, гляди-ка, сам сознается!

– Зачем? – вырвалось у него.

Иоанн глянул удивленно.

– Как зачем? Для забавы! Сходятся они на площадь – на меня глазеть, на надежу-государя, а тут медведи! Они как закричат, как побегут! И давятся, и толкаются... Потеха!

– Так ведь им больно... – раздумчиво молвил Михайла.

Иоанн снова рассмеялся, но на сей раз не по-доброму.

– Ишь, больно! А мне что, не больно? – и зашептал, – дядька мой, Иван Бельский, говорил мне: они мою мать отравили... Телепнева уморили голодом в темнице, а няньку мою, боярыню Агриппину, сослали от меня в монастырь. Они думали, я маленький, не понимаю и не помню теперь. А я все как есть помню, вот как! Теперь мне только в силу войти, я им...

И погрозил сухим кулачком куда-то в сгустившуюся тьму.

– Да кто – они? – замирая, спросил Михайла.

– Шуйские, кровопийцы. Федька Скопин в моей опочивальне при мне садится, непочтение делает. Они думают, я их милости помнить стану, а я не стану и назло только досады запомню!

– Да люди-то в чем повинны, князь! – нежданно для себя самого вскрикнул вдруг Михайла.

– Какие люди? – непонимающе глянул Иоанн.

– Да вот, что медведями травишь...

– А тебе что, жалко что ли? Иль ты меня боишься? Да ты не бойся, теперь мы с тобой другие забавы придумаем. Чего дрожишь?

К ночи за Михайлой пришел Василий, и князь с видимой неохотой отпустил своего товарища. Дома Михаила встретила заплаканная мать – крепко она боялась за сына. Но мальчик держался молодцом.

– Что, как тебе показался наш князь? – затормошила его Настенька.

– Скучно ему, – вздохнул Михайла. – Я-то думал, как у Боженьки за пазухой живут князи, а у них гораздо скучней нашего.

– Что он, злой? – продолжала допытываться Настенька. – Драться хотел, да?

– Нет, он не злой. Бессчастный только... – задумчиво молвил Михаил.

Анна, услышав их разговор, только руками всплеснула.

– И послал же Господь сыночка! ведь всего десять годов ему, а все про людей понимает, все как есть! И говорит, словно ученый...

– Теперь и правда ученым станет, – усмехнулся Василий. – Станут его учить вместе с князем нашим. Тому, видишь ты, пришлось он по душе. Отпускать не хотел, вот как! Теперь пойдет наш Мишенька на княжескую службу...

Так оно и вышло. Обделенный лаской Иоанн душой прикипел к своему товарищу. Разумный Михайла не раз окорачивал его, отговаривал от детских, но жестоких проказ, и Иоанн слушался его.

А скоро сбылось и страшное предсказание Федора Воронцова. Обвинив его в неведомых и неизвестных никому прегрешениях, Шуйские возжелали его смерти, и только своевременное заступничество молодого князя спасло Федора Семеновича от скорой и жестокой гибели. В ужасе молил юный государь спасти от смерти наставника, просили именем его и бояре Морозовы, и Шуйские отступились от своего преступного замысла, но заключили Федора в темницу. Только вмешательство митрополита спасло Воронцова – по его ходатайству Федора Семеновича с семейством послали на службу в Коломну.

Так малолетний князь лишился своего доброго наставника, и оттого еще более ожесточилось его сердце против мучителей своих и против всего рода человеческого. В то же время его дружба с Михайлой крепла. Не раз выслушивал он слезные жалобы князя, и душа его тосковала вместе с ним.

Как-то Иоанн доверил Михайле такой разговор.

– Были нынче поутру ко мне дядьки мои, Глинские – Юрий и Михайло Васильевичи. И молвили мне кое-что, и я задумался... Не знаю только, поймешь ли ты по малолетству.

– А ты откройся мне, князь, – отвечал Михаил. – Пойму я аль не пойму – а тебе на душе полегче будет.

– Дело говоришь, – вздохнул государь. – Говорили они, что время мне объявить себя действительным самодержцем...

Говорили, что Шуйские угнетают народ, бояр тиранят, да и мне, князю своему, должного почета не оказывают. Только я это и без них вижу и знаю... И митрополит сам с ними приходил, и мне твердил то же.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.